

Даля Трускиновская
Несусветный эскадрон

«Автор»

1996

Трускиновская Д. М.

Несусветный эскадрон / Д. М. Трускиновская — «Автор», 1996

Произведения Д. Трускиновской – остросюжетные колоритные повести, захватывающие превосходным сочетанием напряженной интриги, парадоксального построения и особого, нетрадиционного способа изложения. Интересные характеры, необычайные обстоятельства действий, юмор и наблюдательность автора доставят читателю немало приятных минут. Роман «Несусветный эскадрон» – историческая фантазия на тему войны 1812 года.

© Трускиновская Д. М., 1996

© Автор, 1996

Содержание

Глава первая, о мудрой невесте	5
Глава вторая, о селедочном переполохе	12
Глава третья, о родственнике шаровой молнии	20
Глава четвертая, о которой автор пока что и не подозревает	27
Глава пятая, о красавце-гусаре	34
Глава шестая, об отце-одиночке	42
Глава седьмая, о прекрасных баррикадах	50
Глава восьмая, о неприятностях	58
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Далия Трускиновская

Несусветный эскадрон

Историческая сказка

Глава первая, о мудрой невесте

«Солнце к ночи клонится, лес колышет ветками, пастухи с собой в ночное взяли кокле золотое...»

Солнце действительно давно уже скрылось за лесом, но вот ветки деревьев даже не колыхнулись при этом, а что касается золотого кокле – так было у пастухов обычное, деревянное, на котором еще и струн не хватало. Да и кто бы дал им в ночное стоящую вещь? Родители позволили взять чего попроще – старые наплечные цветные накидки-виллайне со свалывшейся бахромой, что ткут из шерсти, и серые накидки-снатене, на которые идет лен. Да еще строго наказали – не стелить слишком близко к костру. Впрочем, петь про золотое кокле не возбранялось.

«Дай, отец, коня седого и купи кафтан мне серый, чтобы я туманным утром был, как сокол на лету...»

Отца проси не проси – новый кафтан обещан только к свадьбе. Что касается коня – какого сам вырастишь из неуклюжего жеребенка, на таком и поедешь за невестой. Но петь, опять же, не возбраняется!

А соседские ребята ленятся скакать в ночное – кони у пустой кормушки отжевали хвост друг дружке!

Это уже девушки проказничают. Отец ворчит всерьез, если дочка увяжется за парнями в ночное, а мать если и ругнет, то без особой злости – потому что ночное немало парочек сосватало. Жаль, не у всех до венца дело дошло.

Так что пасутся кони, медленно переступая, выискивая мягкими губами травинку подушнее, и доносится из-за леска озорная песня.

За пшеничным же полем, там, где оставлен паровой клин, крепнувший мальчишеский голос вывел совсем другое – я коня привязывал у цветущей яблоньки, и осыпан мой конь яблоневым цветом... Тут все и примолкло. Лишь по траве неслышный шелест пробежал – как будто добрый мужичок Усиль, покровитель всех крестьянских лошадей и пчел, обходя дозором ночные луга, прокрался поближе – послушать.

Видно, смутила певца эта неожиданная тишина, он собрался с духом и дурашливым голосом жалостливо затянул – ах ты, чертов соловей, что ж так сладко распевал, как заслушался я песен – вороного потерял!..

И стайка молодежи у костра дружно расхохоталась – не столько простенькой песне, сколько актерскому таланту исполнителя.

Так и перелетали песни от костра к костру, и тренькали струны кокле, и вдруг кто-то, взглядевшись в темноту, крикнул:

– Мач! Беги за гнедыми! Уйдут в господские овсы – потом всю жизнь не рассчитаешься!

От костра немедленно поднялся невысокий, ладный, крепко сбитый парень и заспешил, и растаял в темноте. А на освободившееся место присела в обнимку парочка, только что вернувшаяся с опушки. Очевидно, этих двоих ночное уже сосватало.

Неизвестно, где и как искал гнедых их совсем еще юный хозяин, и помог ли ему добрый мужичок Усиль, но некоторое время спустя парень оказался на той же опушке, довольно далеко от костра. С ним была девушка. Они медленно шли к старому, в три обхвата дубу, и

пальцы парня как бы невзначай ловили руку девушки, а она слегка отстранялась, но вовсе этих прикосновений не избегала.

Сто лет назад, когда по Курземе прогулялась чума и многие места подчистую вымерли, было сюда завезено немало крещеных татарских ребятишек с тем, чтобы, когда вырастут, переженить их с местными жителями. Чего-чего, а татарской малышни у русского царя было предостаточно – охотно поделился с герцогом Курляндским.

Старухи, подумав, сказали бы точно – какая из прабабок позаботилась о черных тонких бровях этой высокой и тонкой красавицы-правнучки, о нездешнем разрезе карих глаз. Но другая прабабка, пощаженная чумой, завещала девушке длинные темные косы с ореховым отливом, и нежный румянец, и белизну лица. Откуда же у нее, батрачки, взялись совсем господские руки, с овальными ногтями, хоть и грязноватыми, да зато почти не попорченными полевой работой? Откуда научилась она легкой полуулыбке и умному обращению с господами? Этого даже бабки сказать не могли бы. Странные сюрпризы преподносит человеку его собственная кровь, странные...

Рядом с ней – а одень ее в городское платье, и не отличить бы от баронской дочки, ее друг выглядел совсем простым деревенским парнишкой. И не потому, что был он босиком, а она – в аккуратных, хоть и стареньких постолах. Не потому даже, что одет был хуже – и она не блистала нарядом, а их украшений была на ней лишь крошечная круглая сакта, скреплявшая ворот рубашки. А просто таким он уродился – невысоким, крепеньким, с лицом на первый взгляд, может, и простоватым, но лишь на первый...

Под дубом девушка остановилась, запрокинула голову, вглядываясь в высокую многоярусную крону, и вдруг подкинула ввысь свой ромашковый привядший веночек. Веночек, не застряв в ветвях, шлепнулся на траву, парень поднял его и вернул подруге.

– Янова ночь давно прошла, – сказал он, – что же теперь-то гадать? Все одно у тебя получилось – не выйдешь ты замуж в этом году. И тем лучше – приданое у тебя все равно еще не готово, ни одеяла сотканы, ни варежки связаны. Знаешь что?... Брось-ка еще!

– А я и не спешу замуж! – гордо ответила она, вовсе не удивившись неожиданному предложению. – Зачем же еще кидать?

– Чтобы в будущем году сбылось.

– Нет, не стану. Да и не за кого мне тут выходить.

При этом она покосилась на парня – загадочно, с прищуром, да еще сверху вниз.

– Иди за меня, Кача, раз никого получше нет, – очень просто сказал тот. – Мы хорошо заживем, вот увидишь. Мать тебя полюбит. Нарядать тебя буду... И Бог с тем приданым! Обойдутся наши поезжане без варежек!

– Без варежек нельзя, люди засмеют! – торопливо ответила Кача, и вдруг сообразила, о чем это она толкует. Смутилась девушка и метнулась было прочь, но парень загородил ей дорогу, да еще и за плечи удержал. А руки у него были каменные, не по росту и по годам крепкие руки. Так и остались они стоять, потупившись, а издали совершенно некстати залетела песня – кто-то весело требовал, чтобы спящая невеста проснулась, обулась и прибежала к нему, к жениху, в ночное. Вместе с песней прилетел от костра горьковатый дымок.

– Не пойду я за тебя, – сказала Кача, – сам знаешь, что не пойду. Какой ты мне жених? Третий отцовский сын! Дождись сперва, пока старшие братья удачно женятся.

Но на самом деле она имела в виду совсем другое – ты сперва объясни своей сердитой матушке, почему решил на мне жениться! А если она на радостях не открутит тебе, глупому, ухо или не треснет по спине вилами, тогла и говори про сватовство...

– Мои умные братья и впрямь удачно женятся, – усмехнулся парень. – Говорят, на днях хромая мельничиха Дарта, что троих мужей схоронила, по четвертому поминки справила.

– Врешь!.. – так и ахнула Кача.

– Правда, левый глаз у прекрасной мельничихи смотрит вправо и вверх, а правый – влево и вниз, да денежки она за версту видит, не ошибется, и на кривых своих ножках до них быстрее жеребца добежит, – продолжал третий отцовский сын, не больно заботясь о правдоподобии и не отменяя упрека во вранье. – Да еще поговаривают, что у прекрасной мельничихи две внучки на выданье, но только я не верю – Дарте лет пятьдесят, не больше, откуда ж тут взрослым внучкам взяться? Она еще красотка в самой поре, да и мельнице не пропадать же без хозяина! Вот я и боюсь, как бы мои умные братцы из-за этой ненаглядной Дарты не передрались...

– И правду говорят, что третий сын у отца часто неудачным получается! – рассердилась девушка. – Зубоскалишь, зубоскалишь, а что толку? Твои братья, хотя и попроще тебя, почтенными людьми станут... и женятся, между прочим, удачно, им любая мать дочку отдаст! А про тебя так до смерти и будут говорить – этот шальной Мачатынь! Какой Мачатынь – а тот самый, что со всеми бродячими собаками целуется, тот, за кого ни одна девушка, ни одна вдова не пошла, потому что он до седых волос воробьев в кармане носит! Вот уж действительно – велика честь пойти замуж за шалопаю...

Мач вздохнул – действительно, какой только живности у него в карманах не перебивало, вот и теперь там притих лягушонок, пойманный заранее с похвальной целью развеселить Качу. Но парень живо взял себя в руки – кто же это сватается ночью да с постной физиономией?

Покачав головой, как оно и полагается при получении нагоняя, Мач вдруг так усмехнулся, что при дневном свете всякому и всякой стало бы ясно – это сокровище не так просто довести до тоски.

– А придется, – уверенно заявил он, – потому что другой тебя так, как я, любить не станет. Или ты ждешь, пока сын господина барона приедет из Германии, чтобы жениться на тебе?

Баронский сын-студиозус пропал в университете какого-то Богом позабытого городка уже по меньшей мере лет десять, и о родном доме вспоминал лишь тогда, когда привозился ему положенный от родителей немалый полугодовой пенсион.

– А хоть бы и так! – отрубил Кача, голосом и всем видом давая понять, что уж лучше непутевый студиозус. – Разве не бывало, что умная девушка за богача замуж выходила? Если толково себя повести, да матушка Лайма красотой не обделила... Не помирать же мне в батрачках! Или я лучшей доли не стою?

– Во времена герцога Екаба, может, и выходили умные девушки за богачей, – насмешливо охладил ее пыл Мач. – А теперь богачи почему-то и жен богатых ищут. Наверно, потому, что деньги к деньгам идут.

– Вот у господина барона пять дочек, денег у них немало, а ума что-то не видно, – возразила девушка. – Только и знают, что гулять по парку и платья менять. А богатому человеку, между прочим, умная жена нужна, чтобы в хозяйстве порядок был, чтобы батраки без работы не бродили, чтобы и клетки полные, и сундуки, и гостей принять, и в церковь с честью поехать...

– Так я подарю тебе серебряную сакту с решетом величиной, чтобы по блеску тебя богатый жених издали разглядел, так уж и быть, – пообещал Мач. – А ум – он ведь в голове тихо сидит, его разглядеть непросто.

– Значит, господин пастор назвал меня умной девицей, а ты в моем уме сомневаешься? – возмутилась Кача. – Господин пастор мне даже сказал, что такую умницу охотно взял бы в экономки, что бы там люди ни сплетничали! Правда, кофе я варить не умею, и эти самые хлебцы с булочками печь... Но ведь научусь! А ты? Да что с тобой говорить! Кто, как не я, все твои загадки разгадал?

– Невелика честь для порядочной девушки – стать пасторской экономкой! – сурово отвечал Мач, прекрасно понимая подлинный смысл комплиментов пастора. – А загадки я новые узнал, ты их вовек не разгадаешь.

– Новые? – девушка заинтересовалась. Щегольнуть хорошей загадкой – это было полегче, чем щегольнуть сложным узором вышивки, хотя и то, и другое служило сельской девице как бы аттестатом развитого ума и сообразительности.

– Одной рукой сено косит, другой – сразу к стогу носит, – сразу перешел к делу Мач.

– Чепуха! Это – овцу стригут и шерсть в кучу складывают. Дальше!

– Какому господину деревья кланяются?

Кача призадумалась, но скоро сообразила:

– Ветру, братец!

– Хорошо... А это что такое: в одну дырку влез, в три вылез... – Мач сделал выразительную паузу и завершил торжествующе: – ... а все равно внутри остался!

– А это ты, Мач, – незамедлительно отвечала Кача, сделала такую же паузу и выпалила: – в новой рубашке!

– Почему – в новой? – спросил озадаченный парень.

– Потому что в старой у тебя, братец, не три дыры, а трижды три! И я их тебе зашивать не собираюсь. Теперь ты разгадывай. За кем всегда остается последнее слово?

Мач усердно принялся думать. Он чесал в затылке, хмыкал, пожимал плечами, раз пять уже открывал было рот, но замирал и разводил руками в горестном недоумении. Кача прямо извелась, глядя на это представление.

– Ну, Мач, ну, братец? Это уж совсем просто! Ну?

– Ну?..

– Эхо! – не выдержала она.

– Ах ты нечистый – эхо, что за несчастье, и надо же – эхо! – запричитал Мач, явно кого-то передразнивая. – Эхо! А я-то думал – жена!

И оба расхохотались, а потом заговорили наперебой, окончательно забыв обо всех на свете гнедых:

– А это – два кота, четыре хвоста?

– Постолы с завязками! А это – ноги есть, а не бежит?

– И не стыдно тебе? Штаны! А это – одну борону пятью лошадками тяну?

– Мой старый гребень!

– А что так редко боронишь? Лошадки ослабли?

Задавая свои коварные вопросы, Кача придвигалась все ближе к парню, и на вопрос о лошадках он ответил единственным пристойным мужчине образом – обнял ее так сильно, что и не пошевелиться, и стал целовать в щеки, не больно расстраиваясь из-за того, что губ девушка не давала.

Ночь хоть и летняя, хоть и короткая, а времени на все хватит. Кто же норовит нахлебаться горячей каши – тот обожжет и губы, и глотку, и все то, что у человека в животе с этой кашей соприкоснется. Эту мудрость преподали Мачу и родная мама, и сама жизнь, причем усвоил он ее не отходя от стола.

– Нет, Мачатынь, нет... – прошептала наконец Кача. – Ты со мной не справишься...

– Когда-нибудь справлюсь, – уверенно пообещал Мач. – Ты подумай сама – какое дело богачам до твоего острого язычка? Кто тебя слушать станет? Им от тебя одно нужно – чтобы коровы были вовремя подоены да мухи в молоке не плавали. А вот мне как раз умная жена требуется – чтобы я поменьше глупостей делал.

– Нет, Мачатынь, нет, – упрямо твердила Кача. – Нет, не хочу я всю жизнь коров доить...

– А чего же ты хочешь? – изумился парень. – И как же это – чтобы коров не доить?

– Даже если примут меня твои родители, даже если любишь ты меня не на шутку, но менять один грязный хлев да навозные вилы на другой такой же хлев и другие такие же вилы – не стоит.

Мач онемел.

Но, невзирая на крайнюю молодость, парень понял – попрекать девушку зазнайством и обещать ей медный кофейник господина пастора незачем. Все девушки, отбиваясь от чересчур настойчивых рук, говорят примерно одно и то же – и куда только пропадает их спесь осенью, когда женихи издалека приезжают свататься?

Поэтому Мач отпустил свою красавицу. И она, разумеется, не стала убегать. Когда еще будет та осень, когда еще явятся те женихи, а сейчас все-таки теплое лето. Если не сейчас, в ночном, – то когда же целоваться с парнями?

– А помнишь, как мы в Янову ночь цветов папоротника искали? Там, за малинником? – спросил он. – Я потом понял, почему мы его не нашли.

– Почему?

– Если где папоротник цветет – так возле священных камней. Там, с краю, он густо-густо вырос.

– Иди ты! – даже рассердилась Кача. – Я туда и днем ходить боюсь!

– А разве ты с Гретой не собирала там землянику?

– Нет, конечно! Туда только змеиные старухи ходят.

– Вот именно потому там и должен был расцвести папоротник. Потому что туда все боятся заглянуть, – сделал Мач весьма разумный вывод. – Посуди сама – в других местах, где все истоптано, он не цветет. Значит, выбирает тихое местечко.

– Пойдем-ка отсюда... – вдруг испуганно прошептала Кача, и парень сообразил – ведь эти самые валуны, давними предками поставленные на дыбы да в круг, совсем поблизости. Поэтому он о них и вспомнил. Поэтому и Кача испугалась. Да еще господин пастор говорил недавно, что раньше на этих камнях неразумные латыши-язычники кровавые жертвы черту приносили... Насчет черта Мач не был уверен, но лежавший посерединке неровного круга плоский камень с углублением наводил на какие-то языческие мысли. Мач не побоялся прийти туда в одиночку – и долго простоял у камня, размышляя о предках.

– Пойдем, – согласился он. – Я тебя к твоим отведу, если ты к нашему костру не хочешь.

Они пошли вдоль опушки, где густо росли папоротники.

– Смотри... – Мач, приобняв Качу, мотнул подбородком, указывая ее взгляду направление.

Кача мгновенно присела за куст, заставив и парня опуститься на корточки. Таким образом, касаясь руками земли, они вдвоем проскользнули поглубже в лес вслед за обнявшейся парочкой. Можно сказать, сопроводили ту парочку прямо к месту грехопадения.

– Все ясно, Анна из Закюмуйжи и длинный Бертулис, – безошибочно определила Кача, хотя из кустов доносилось лишь сопение. – Тоже, наверно, про цветок папоротника вспомнили. Так я и думала...

– Какое тебе дело до Бертулиса? – удивился Мач. – Он же не сын господина барона и не внук господина пастора. Он тебе еще меньше, чем я, подходит – он же у отца четвертый сын!

– При чем тут это? Я за Анну радуюсь – дождалась-таки жениха. Хоть и четвертый сын, а для нее – находка, – с ехидством, достойным змеиной старухи, объяснила Кача. – Ей, бедняжке, конюхи из усадьбы всю юбку оборвали. А замуж-то не берут...

Мачатынь, не размыкая объятия, повел было Качу дальше, но вдруг оба остановились как вкопанные.

Что-то меж причудливо вырезанных листьев внезапно засветилось, и обозначились за их зубчатыми сквозными силуэтами вроде как очертания светящегося шара.

Был этот шар с человеческую голову величиной. Свет он испускал хотя достаточно яркий, но не слепящий, так что можно было разглядеть вьющиеся по его поверхности розовые, рыжие и золотые язычки.

– Цветок папоротника! – опомнившись, радостно воскликнул Мач и, отпустив Качу, ринулся к шару сквозь кусты. Но тут уж девушка вцепилась ему в рукав.

– Не ходи! Это болотные черти заманивают!

Мач застыл в нерешительности – а если и впрямь? Да, скорее всего, никакой это не цветок, потому что Янова ночь давно миновала, а в другое время ему цвести не положено. Но если – он? Ведь если просто подойти и посмотреть – вреда не будет?..

Парень вывернулся, чуть не оставив рукав у Качи, устремился было к шару, но тут шар вдруг налился багровым цветом, да так сердито, что всякому стало бы ясно – предупреждает, чтобы зря не трогали. После чего в лицо Мачу ударил жар, мгновенно обвил тело огненной змеей, от шеи к пяткам, и улетучился...

Когда парень, отскочив назад и оцупав лицо, раскрыл глаза, шара не было. Не было и Качи.

Тут-то Мачатыню и стало крепко не по себе...

Девушка исчезла, не вскрикнув, не хрустнув веткой, не прошуршав, не подав ни единого звука или знака.

– Кача! Кача... – нерешительно позвал Мач. И никакого ответа не услышал.

Служанки из баронского имения рассказывали, что барышни, бывает, падают и лежат без движения – придурь у них такая. Тогда нужно хлопотать вокруг, подносить к носу флакончик с вонючей солью, растирать бедняжке руки и виски, можно даже водой побрызгать. Конечно, Кача могла с перепугу вот так же грохнуться замертво. Но тогда она и лежала бы тут же, поблизости, в трех шагах от погнавшегося за огненным шаром Мача.

На всякий случай Мач пошарил впотьмах по кустам. Никакого бессознательного тела он не нашел.

– Ка-ча-а! – заорал он в полном отчаянии. Никто не откликнулся. Теперь оставалось одно – звать на помощь. Добежать до костра, поднять переполох, чтобы парни смастерили факелы и как следует прочесали опушку.

Мач кинулся было – и вдруг застыл, как вкопанный. Он не понимал, куда идти. Вроде бы шар они с Качей увидели почти что на самой опушке. А опушки-то и не стало! Была узкая тропа среди елового сухостоя – и здорово же ободрался Мач, ломясь впотьмах наугад и с большим трудом выбравшись из этого мерзкого места! Опять же, попади сюда огненный шар – сухие ветки мгновенно занялись бы. И Мач твердо помнил, что видел играющие язычки сквозь листья папоротника. Значит, в сухостой он залетел уже потом, с перепугу. Но как, как?

Да и сухостой этого он, честно говоря, вспомнить не мог. Не было с той стороны леска ничего подобного. А может, и было, да только с перепугу из головы вывалилось.

Потом оказалось, что Мач карабкается на холм. И только одолев этот непонятно откуда взявшийся холмик и переведя дух, он узнал местность. Это уже была почти что опушка. Отсюда ближе было не до того костра, где баловался песенками Мач, а до другого – откуда он этой ночью увел Качу.

Выбирать не приходилось – Мач быстрыми шагами пошел к костру. Молодежь уже угомонилась и подремывала у тлеющего костерка. В теплых отсветах розовели спокойные лица. Не поверив глазам, Мач опустился на корточки – вместе с подружкой, укрывшись одним на двоих старым покрывалом, спиной к спине, спала Кача.

Мач осторожно похлопал ее по щеке. Девушка приоткрыла глаза.

– Ложись... – пробормотала она. – До рассвета еще долго...

Мач едва не опрокинулся на спину. Лежит и спит! Как будто не было страшного полыхающего шара! А может – и не было?

Мач растер и как следует помял рукой физиономию. О том, что в здешнем лесу водится наваждение, которое заманивает и целыми днями таскает по бурелому, он слыхивал. Если это оно – парень с девушкой дешево отделались. Но огненный жаркий шарик?..

– Ты ложишься? – спросила сонная Кача.

– Я к своим пойду, – шепнул ей Мач, – и потом коней сразу же домой поведу. У меня с утра пораньше кое-какие дела.

И добавил для весомости:

– По хозяйству.

– Это хорошо... – одобрила заспанная девушка. – Кто рано встал – тот много сделал...

В ответ на эту несомненную мудрость Мач как-то странно хмыкнул.

Глава вторая, о селедочном переполохе

Неизвестно, удалось ли в то утро Мачу вздремнуть. Равным образом неизвестно, позавтракал ли он, а если позавтракал – то чем именно. Хотя, скорее всего, достался ему кусок подсохшего хлеба с половиной обезглавленной прошлогодней селедки, которая и была куплена по дешевке на ярмарке только за свой почтенный возраст.

Заведя гнедых в стойла и напоив их, Мач проскользнул в дом и провел там некоторое время. Вышел же он на цыпочках, улыбаясь и прикусывая губу, причем в руках у него был странный сверток.

То, что он завернул в заранее припасенный лопух, протекало – с пальцев и с лопуха капала на тропинку коричневатая жидкость.

В кустах возникли две настороженные морды, одна – рыжая, по-лисьи вытянутая, с короткими усами, другая – плоская, в серо-пятнистой маске, с розовым носом и с длинными усами.

Неразлучные, вопреки всем пословицам о псе и коте, Кранцис и Инцис пошли вслед за Мачатынем, обнюхивая загадочные следы. Инцис, не поверив собственному носу, лизнул каплю – и застыл в недоумении. Кранцис тоже лизнул – и устался в спину Мачу с выражением полной растерянности. Больше всего на свете эта жидкость походила на селедочный рассол.

Почуввав неладное, Кранцис тихо заскулил вслед молодому хозяину. Тот обернулся и показал мокрый кулак.

Кулак означал – если сейчас из-за тебя, дурака, проснется мать, а ей уже пора просыпаться и идти в хлев доить коров, так что спит она вполглаза, то я тебе этого вовеки не прошу!

Хвостатые приятели сразу поняли – Мач опять затеял какое-то безобразие. И удержать его невозможно.

Парень скрылся вовремя. В доме действительно послышался материнский голос. И заревела вдруг маленькая сестричка – последняя дочка в семействе, родившаяся у немолодых родителей как-то нечаянно. Закряхтел и высказался по поводу внучки старый дед. Ему что-то возразил заспанный отец. В клетки проснулись оба старших брата. И начались словесные поиски младшего – непутового.

Сказано о нем было много разных слов, в том числе и таких, что воспитанный человек повторять не станет. Пропавшего Мачатыня не без оснований подозревали в какой-то новой проказе, вроде прошлогодней, когда господин пастор чуть рассудка не лишился от ужаса, увидев поздно вечером в церкви процессию мерцающих огоньков. Это могли быть только неприкаянные души. А при ближайшем рассмотрении души оказались процессией раков с укрепленными в клешнях свечными огарками. Рассмотрение произвела экономка пастора вместе с его кучером, прибежавшие на крик. Дело вышло шумное, веселое, виновника так и не сыскали, хотя братья Мачатыня и Кача прекрасно знали, кто целую неделю бегал по ночам на озеро ловить раков. За эту милую шуточку парень мог серьезно поплатиться.

Судя по тому, что в доме и клетки галдели в меру громко, домашние еще не обнаружили следов младшего сыночка и не начали ломать голову – что это безобразие означает.

Местом очередной своей каверзы Мач избрал ни более ни менее как баронский парк.

Господин барон фон Нейзильбер по справедливости мог почесть себя счастливым человеком. Имя его было прославлено десятком предков, из которых иные служили курляндским герцогам, а иные прославились в разнообразных немецких княжествах, счесть которые в то время затруднился бы даже господин пастор. Барон жил в прекрасной усадьбе, лучшей в окрестностях, со всеми службами и огромным, совершенно ему не нужным парком. Толковые старосты в его поместьях совершенно избавили его от хозяйственных хлопот, до такой степени избавили, что и сами уже были не рады. Как-то господин барон решил ознакомиться наконец со своими владениями поближе, долго возмущался тем, что земля оставлена под паром, и еще

дольше искал этой земле применение. Объяснить господину барону, что такое пар, никто не сумел – соврали что-то почтительно-возвышенное, и барон благополучно отвязался.

Кроме того, он, в отличие от многих курляндских помещиков, сидящих по уши в долгах, кое-что припас в шкатулке и смотрел в завтрашний день бодро.

На этом благодеяния провидения и завершились.

Чтобы уравновесить все сии, совершенно не заслуженные бароном, блага, провидение послало ему и персональную кару в лице огненно-рыжей супруги и не менее рыжих дочерей. Когда барон сватался, дамы носили парики, вот он и обнаружил подарочек судьбы уже на третий день после венчания. Первым делом госпожа баронесса родила господину барону сына, но с ним-то как раз оказалось меньше всего хлопот – как уехал в Европу получать достойное образование, так и пропал. Но судя по тому, что регулярный пенсион, назначенный студюозусу, ни разу к господину барону не вернулся, то, значит, с ребенком последние десять лет все было более или менее в порядке.

Барон фон Нейзильбер пребывал в заботах.

Дать должное приданое дочкам, да еще и не промахнуться с женихами, – над этой задачей господин барон уже лет шесть назад, побуждаемый госпожой баронессой, начал ломать голову. Как на грех, по соседству случилась преурацкая свадьба. Ехал некто в карете, с сундуками, нарядный и очаровательный, остановился переночевать, назвался французским маркизом и даже грамоту какую-то, мерзавец, предъявил! Французского здешние бароны не разумели. Свадьба с богатой наследницей сладилась как-то молниеносно. После чего обнаружился-таки проезжий знаток французского языка. Он-то и установил, что маркиз – никакой не маркиз, а малограмотный комедиант из Лиона, и ехал он из Варшавы в Санкт-Петербург с целью наняться учителем в почтенное дворянское семейство.

Так что пять дочек основательно обременили собой барона. И чувствовал он себя, как комендант осажденной крепости с крайне ненадежным гарнизоном.

Само собой разумеется, что в усадьбе, где жило столько чувствительных женщин – дочери, их мамочка, гувернантки, чтицы, даже выписанная из Вены камеристка, – и порядки были заведены пречувствительные.

Весь парк, граничащий с лесом, дам не интересовал – он был безобразно велик. Они облюбовали небольшую его часть, примыкавшую прямо к дому, которая насквозь просматривалась из окон. Опять же, для ухода за ней много людей не требовалось. Там не осталось ни соринки на дорожках, ни сухого листика на кустах, потому что за соринку и листик садовникам пришлось бы расплачиваться спиной. Сами кусты были подстрижены то шарами, то пирамидами, а то образовывали очаровательные боскеты, где в зеленых нишах стояли прелестные маленькие беленькие скамеечки.

Чуть подальше был крошечный пейзаж в английском стиле – лужайка, с виду как будто не тронутая рукой человека, с луговыми цветочками, разбросанными вопреки симметрии, крошечный чистенький пруд с беседкой на островке и деревянным мостиком, ведущим к этой беседке, и дюжина деревьев, растущих совершенно вольно. Отдыхом для души было гулять среди пестрых клумб под крошечным зонтиком, уходить по мостику в беседку, смотреть на стайки рыб и читать трогательные стихи в присланном из самого Берлина литературном альманахе.

Конечно, в усадьбе не было недостатка в пьльцах, клавикордах, модных журналах, рукодельях и болонках, которые запросто могли перелаять охотничью свору господина барона. На всех подоконниках лежали заложенные вышитыми платочками и сушеными цветочками книжки.

В этот-то земной рай, в этот парадиз и прокрался Мач.

Близко к господским покоем он, понятно, не подходил, а отыскал те грядки, где старший садовник Прицис пробовал выращивать новые цветы, а то и овощи из семян, присылаемых госпоже баронессе.

На самом деле когда-то давно садовника звали Янкой, имя «Фриц» собственноразумно присвоил ему господин барон, желая таким образом дать понять Янке, что он отныне – лицо, приближенное к господской ономастике. За неимением в тогдашнем латышском языке звука «эф», окрестное население произносило немецкое имя как умело. Всякий раз, услышав такое звуковое издевательство, старый садовник морщился и задирает нос – заново ощущал свою причастность к высшему кругу, но и заново переживал неотесанность низшего круга, откуда имел несчастье произойти.

Впрочем, Прицис надеялся, что его единственному внучку повезет больше. Недаром же этот внучек, не достигнув и двадцати лет, уже знал целую сотню немецких слов, а то и поболее!

Пока Мачатынь возился над грядками, семейство фон Нейзильбер вышло завтракать на открытую веранду, поскольку утро было ласковым и солнечным.

Был еще для такой надобности приспособлен небольшой всячий сад, куда выходила дверь спальни госпожи баронессы. Но там чета фон Нейзильберов завтракала только после совместно проведенной ночи, значит – довольно редко.

Господин барон сел за стол вольготно – в малиновом бархатном халате и пантуфлях на босу ногу. Госпожа баронесса же с утра, в назидание дочерям, была одета и причесана. Она выбрала платье из довольно плотной розовой ткани, подпоясанное, как требовала мода, под самой грудью, и с высоким рюшевым воротничком. А поскольку местные дамы по-своему понимали парижское модное изящество, рюшевый воротничок домашние швеи преобразили под руководством баронессы в ту плоеную фрезу, какую носили ее высокородные прабабки лет этак двести назад. Остроумцы того времени прозвали милый воротничок «мельничным жерновом».

Голову госпожа покрыла вполне солидным чепчиком, тоже с рюшами, который завязывался под подбородком и совершенно скрывал волосы.

Назидание было бесполезно. Юные баронессы справедливо считали, что в этой глуши им не от кого скрывать свои прелести. Да и мода такому решению благоприятствовала.

Их баржевые платьица с короткими рукавами, модных цветов – палевого, бланжевого и жонкилевого, сильно открытые, были почти прозрачны. Разве что легкие складки, драпирующиеся на груди, рюши вдоль подола да пояски из атласных лент имели материальный вид. Все остальное было, хоть и ощутимо рукой, но, увы, почти неуловимо глазом.

Господин барон и госпожа баронесса хмурились, глядя на это безобразие, и с ужасом вспоминали, что лет пятнадцать назад, а то и больше, из проклятого взбунтовавшегося Парижа пришли слухи о совершенно невообразимой моде. Якобы дамы стали появляться на балах, потеряв всякий стыд, с одной обнаженной грудью! Бог миловал Курляндию – кошмарная мода до нее не добежала. Но господин барон и госпожа баронесса сильно беспокоились насчет очередных парижских штучек. Тем более, что мирная жизнь усадьбы вскоре должна была нарушиться, и это, с одной стороны, сулило дочкам женихов, а с другой – даже страшно подумать, как бы пришлось баронской чете пристраивать впоследствии пять утративших невинность невест...

Итак, с томиками стихов, шарфиками, веерочками и платочками юные баронессы, быстренько поев, выскочили в парк. Бегать мода им позволяла – в то время она отрицала каблуки всех видов и фасонов, обувая красавиц в легонькие танцевальные туфельки, шелковые и атласные, невзирая на время года, с перекрещенными на щиколотке лентами.

Госпожа баронесса, правда, требовала, чтобы при таких ранних прогулках непременно надевались коротенькие спенсеры с длинными рукавами, потому что выхаживать простывших

и капризных дочек – удовольствие сомнительное. Но девицы берегли свои нарядные яркие спенсеры для вечерних прогулок с господами офицерами, которые вскоре ожидались.

На лужайке уже пасся барашек с розовым бантом на шее.

Это, надо полагать, был тот самый барашек, которого доблестно отказался пасти альпийский стрелок, воспетый стихотворцем Шиллером. Но в кротких сердцах юных баронесс нашелся ему приют. Барашек еще невинным ягненком был взят к баронскому двору, вымыт и приучен к порядку. Ныне он вырос, возмужал, и его бляенье, столь беззащитное в юные годы, весьма смахивало на медвежий рык.

Жил баран, как в раю, постоянно причесываемый и приглаживаемый нежными ручками, украшенный разнообразными бантами, а то и чепчиками, навеки избавленный от общества своих неотесанных родственников.

Приласкав барашка, юные баронессы взялись за томики стихов. И тут обнаружили завидное единодушие. Хотя девицы и разбрелись по всему обжитому уголку парка, хотя мыслями могли обмениваться лишь телепатически, однако книжицы у всех были раскрыты на одном и том же стихотворении господина Шиллера – нужно сказать, весьма буйном и смущающем душу стихотворении. Называлось оно «Достоинство мужчины». Пребывая в уединении, юные баронессы лишь этим стихотворением и утешались.

А поскольку достоинство, о котором с таким знанием дела толковал стихотворец, с иными другими спутать было невозможно, над лужайкой и подстриженными кустиками раздавались томные вздохи.

Видимо, просматривая в свое время Шиллера, госпожа баронесса была крайне невнимательна, иначе быть бы «Достоинству мужчины» выданным с корнем и сожженным в камине.

Пока примерная мать наблюдала с веранды за дочками, отец семейства велел позвать старшего садовника и спустился в парк.

Прицис почтительной рысцой явился на зов.

Он, будучи ростом даже повыше господина барона, пребывал при нем в некоем вечном поклоне, так что глядеть снизу вверх ему приходилось, скособочив голову.

А голова, кстати, была интересная – лицо продолговатое, подбородок твердый, нос тонкий с горбинкой. Длинные светлые волосы, расчесанные на прямой пробор, свисали по обе стороны этого выразительного лица и малость закручивались на концах. Возможно, в роду у садовника были шведы. А скорее всего, какой-нибудь храбрый немецкий рыцарь лет триста назад снизошел до хорошенькой крестьянки.

– Посадил ли ты, Фриц, те семена, что я дал тебе в прошлый вторник? – сурово спросил господин барон.

– Посадил, милостивый господин, в тот же день. Хотя и странные это семена, совсем рыбья икра... Одно слово – господские семена.

– Пойдем, посмотрим всходы, – распорядился господин барон.

– Какие же всходы? – удивился Прицис. – Всходам быть, милостивый господин, еще рано.

– Но ведь ты посадил семена три дня назад! – возмутился господин барон. – Выходит, ты нерадивый слуга. А что делают с нерадивыми слугами? Пойдем, Фриц, посмотрим на твою грядку.

И господин барон с достоинством направился по дорожке, а Прицис, приличным образом склонившись и заглядывая сбоку в баронскую физиономию, не отставал от него.

– И Господь один знает, что может взойти и вырасти из таких диковинных семян! – приговаривал он перепуганно, и тем не менее почтительно. – Ни дать ни взять селедочная икра... Но из господских семян и цветы должны вырасти господские!

Когда господин барон и его садовник наконец увидели искомую грядку, то оба замерли перед ней в полнейшем ужасе.

И было отчего!

Из заботливо взрыхленной и с раннего утра политой земли торчали аккуратным строем рыбы головы с дружно раскрытыми ртами.

Селечный рассол еще не успел обсохнуть на них.

– Нечистый! Это сам нечистый! – опомнившись, первым прохрипел Прицис, ибо голос его от такой неожиданности словно бы провалился куда-то вовнутрь глотки.

Реакция же господина барона свидетельствовала о практическом складе его ума.

Господин барон еще не успел осмыслить, человеческих или дьявольских рук это дело, но что виновный нуждается в исправлении – это он уразумел сразу.

– Выпороть! – возопил господин барон, да так, что Прицис в панике шарахнулся, споткнулся и растянулся на грядке. Еще бы – это могло относиться в первую очередь к нему...

– Выпороть!! – еще громче заорал господин барон. – Вы-по-роть!!! По песчаным дорожкам к нему уже неслись, почуяв неладное, Лотхен, Анхен, Лизхен, Гретхен, Амальхен, госпожа баронесса, болонки, камердинеры, горничные, младшие садовники – все, кто в эту минуту находился в парке и около. Следом за юными баронессами поскакал и привыкший к их беготне барашек.

Никто ничего толком не понял в происходящем, потому что Лотхен первой налетела на Прициса, споткнулась и повалилась на него, кто-то из лакеев рухнул на Лотхен, перекатился через девицу и оказался у самых баронских ног, обутых в великолепные пантуфли. А тут подошли и прочие юные баронессы, чтобы рухнуть и завизжать истошными голосами. Последней, естественно прибыла хозяйка дома, но ей и вовсе ничего не удалось понять, потому что к той минуте один из камердинеров, вытаскивая из всей этой колготни Амальхен, утратил равновесие и сел на грядку с селечными всходами. Болонки, обезумев от радости, оглашали все это столпотворение торжествующим лаем, так что и слов человеческих было не разобрать. Время от времени девицам удавалось перекричать болонок.

– Выпороть! Выпороть! – вскрикивал господин барон, и уже было решительно непонятно, к кому это относится, поскольку командовал он, по колено торча из возившегося и брыкавшегося клубка конечностей и безнадежно в нем увязнув.

Каким-то непонятным образом в эту возню замешался баран. Но юным баронессам было не до нежностей. А от кого-то из слуг баран схлопотал основательный пинок.

Оглушенный лаем и воплями, насмерть перепуганный баран метнулся вправо, влево и наконец влетел прямо в розовые кусты.

И оттуда бедное животное вдруг провозгласило совершенно человеческим и возмущенным голосом:

– Скотина ты чертова!

В кустах произошла короткая и энергичная возня, завершившаяся, очевидно, еще одним пиноком. После чего баран легче птички вылетел обратно, врезался в кучу-малу и угодил господину барону башкой пониже живота.

Господин барон не то чтобы сел – а как бы приземлился на несуществующий стул, настолько прочно его ноги увязли в человеческой каше. При этом он успел ухватиться за рога.

– Выпороть! – проорал господин барон прямо в баранью ошалелую рожу.

Но баран потерял всякое представление о реальности. Он, недолго думая, уперся задними ногами и попер прямо на господина барона. То ли это было минутное помешательство, то ли бедная скотинка решила наконец рассчитаться за годы унижительного хождения с бантиками и вынужденного холостяцкого положения, но страху он на всех нагнал препорядочно.

Ему удалось-таки опрокинуть господина барона, сбить с ног взывающую к небесам госпожу баронессу и много синяков понаставить всем, кто не успел увернуться.

Господина барона поставили на ноги – и при очередной попытке барана взять разбег с него всю монументальность как ветром сдуло. Господин барон попросту побежал по дорожке к

усадеб, причем побежал босиком, потому что пантуфли увязли в свалке. И бежал он, совсем несолидно подхвативши полы халата, – лишь бы подальше от ополоумевшего барана.

Пока растаскивали и приводили в чувство девиц, пока ловили барана и усмиряли болонок, Мач прокрался в дальний конец парка, махнул через ограду и понесся прочь со всех ног.

Положение возникло – хуже не придумаешь.

Кроме всего, он поцарапал в розовых кустах лицо и руки, порвал рубашку. Дома показываться в таком виде, мягко говоря, не стоило. Умнее всего было бы найти Качу и попросить ее помощи. У девушки вполне могли быть при себе иголка и нитки, хотя, скорее уж, она прихватила спицы с клубком. Хорошая пастушка успевала за день, проведенный на пастбище, связать рукавицу. Мач всегда удивлялся, как это девушки вяжут на ходу, да еще и напевают при этом. Или ей дали ручной ткацкий станочек, чтобы за день она изготовила пояс.

Он отыскал Качу там, куда она обычно выгоняла овец. И явился как раз вовремя – девушка присела на кочке под кустом и устроилась перекусить.

Она достала из узелка выданный ей на весь день огромный ломоть хлеба и задумчиво на него смотрела. Вроде и рука сама к нему тянулась, однако что-то запрещало поднести этот черный, душистый, вкуснейший, хотя и выпеченный с отрубями, даже чуть ли не с соломой хлеб. Был еще туюсок с квашей, поставленный от жары в самую середину развесистого куста.

Увидев этот туюсок, Мач вспомнил, что с самого утра ничего не пил – только облизал смоченные селедочным рассолом пальцы. И сразу же на него напала жажда. С каждым шагом она делалась все неприятнее. А когда Кача запрокинула голову, угощаясь из туюска, Мачу и вовсе чуть худо не стало.

– Не угостишь? – спросил, возникая из куста, Мач.

Кача чуть не выронила туюсок с кисловатой и прохладной курземской квашей, главным летним блюдом косцов и пастухов.

– Кто это тебя так отделал? Ты что, с кошками воевал? – ошарашенно спросила она.

– С бараном, – честно и лаконично отвечал Мач.

Но в это трудно было поверить.

– Где ж ты раздобыл барана с когтями? – язвительно полюбопытствовала девушка. – Небось, в Риге купил, деньги платил?

– Это не когти, – понуро объяснил Мач. – Это господские розы, будь они неладны...

И тогда, разумеется, Кача потребовала подробного отчета о всех событиях этого бурного утра.

– Откуда же я знал, что господин барон сам туда забредет? – оправдывался парень, поглядывая на туюсок. – Я хотел только этого подлизу Прициса проучить! Представляешь, как он с перепугу на грядки грохнулся? Да он же сам все и подсказал... Когда господин барон дал ему эти немецкие семена, Прицис три дня ворчал – что за господские причуды, не семена, а селедочная икра, что путного вырастет из этой икры!.. Ну, я и решил ему показать, что путного вырастет из икры...

Кача нахмурилась.

– Когда Прициса пороть поведут, он сразу все вспомнит, – хмуро сказала мудрая невеста. – Как ты его про селедочную икру расспрашивал... Не он – так его чертов внучек!

– Под розги не лягу! – хрипло, но решительно заявил Мач. – Прициса-то давно пора... доносчик он подлый, а не садовник... вместе с внучком!

Перед внутренним взором Мача встала длинная блеклая физиономия, которую свисающие вдоль щек льняные пряди делали еще длиннее и неприятней. К тому же, внучек вымахал на две головы повыша Мача, и это тоже было неприятно.

– Далеко не убежишь, – сразу поняв намерение неудачного своего жениха, возразила Кача. – У тебя и денег-то нет...

– Дай хоть квашу хлебнуть, – попросил Мач. Теперь селедочная проделка не казалась ему больше такой замечательной. – Пить хочу, прямо помираю от жажды.

Кача протянула было ему туесок, но вдруг окаменела. Что-то следовало сейчас сделать... что-то важное... выполнить долг...

Другой рукой она провела по груди и нащарила каменный пузырек. Бессознательно Кача нашла на шее волосяной тонкости кожаный шнурок и потянула за него. Каменный пузырек медленно пополз вверх, к вороту рубахи.

– Если тебе дать – ты прямо до дна все выпьешь, – сказала Кача. – Дай-ка я еще отхлебну.

Она поднесла туесок к губам. И руки сами сделали все, что требовалось. Одна держала туесок так, чтобы понадежнее прикрыть грудь. Другая вытянула из-под рубахи шнурок с каменным пузырьком. Отнимая край туеска от губ, Кача ловко плеснула в него прозрачного зелья. И проделала это настолько быстро, что Мач ровно ничего не заметил. Очень удивилась Кача, как это у нее получилось, а главное – зачем? Ей даже показалось странным – откуда вдруг на шее взялся такой странный то ли талисман, то ли оберег? И тут же Кача поняла, что пузырек был всегда.

– Где же тебя спрятать? – задумчиво спросила Кача, протягивая туесок и уже не думая о пузырьке.

– Если б я знал! Счастье еще, что меня никто там не видел. А все этот проклятый баран... Я думал, он меня с ног собьет, такая здоровенная туша! Сам удивился, когда устоял. Домой мне показываться нельзя. Может, я у вас на сеновале заночую?

Мач отпил прохладной и приятно кисловатой квашу. Несколько мгновений длилось полнейшее блаженство! Оно текло от горла вниз, к животу, и наполняло тело сладостной свежестью. Стало легко и привольно, как будто все неприятности разом кончились.

И тут Мача осенило.

– Мне же ненадолго! – воскликнул он. – Мне бы только несколько дней переждать! А потом придут французы!

– Какие еще тебе французы? – изумилась Кача.

– Французская армия, которая всех освободит! – и тут на круглой физиономии Мача изобразился такой отчаянный восторг, что мудрой невесте стало даже как-то страшновато. – Пасторский кучер говорил, а он с пастором вчера из Митавы вернулся, что французы уже близко! И русские господа улепетывают!

Мач произнес это – и вкралось в его душу некое подозрение. Ведь он не видел пасторского кучера уже довольно долго, не меньше недели. Да и не собирался пастор в Митаву, ему здесь дел хватало.

Но подозрение оказалось какое-то туманное. Парнем полностью овладело то, что он назвал бы логикой сна, если бы знал слово «логика» и если бы не одурманило его зелье. Провалившись в сон, живешь не только теми вещами, которыми он тебя окружил, и теми событиями, через которые он тебя тащит, но и знаешь откуда-то предысторию этих событий, считаешься с ней и уважаешь ее.

Именно это и произошло с Мачем. Стоило ему сказать про пасторского кучера – как секретный разговор на конюшне стал для него подлинным событием вчерашнего дня. А дальше Мач понес такое, чего знать вообще не мог, и тем не менее уже откуда-то знал.

– погоди, французы тут порядок наведут! Первым делом – баронов прогонят, и вообще всех немцев. Русские господа сами удерут. И нам дадут свободу. Они себе свободу завоевали – и нам ее дадут. Как полякам! Ведь освободили же французы крестьян от помещиков в Польше пять лет назад! И мы будем тоже свободны, опять свободны – как наши предки!..

Сказав это, Мач сам растерялся. Во-первых, он понятия не имел, в чем выражалась свобода его предков. А во-вторых – вовеки о них не задумывался.

Кача же помрачнела. Что-то с предками Мача было связано нехорошее... И с их свободой – тоже...

– Знаешь, как французы своим господам головы рубили? – задал Мач риторический вопрос, поскольку сам он этого тоже не знал, а Кача – давно. – Жаль, к господину барону газеты привозят с опозданием, а то бы уж началась суматоха!

Мачатынь собрался было углубиться в полититические рассуждения (слово «политика» возникло в голове ниоткуда, как и неслыханное имя «Наполеон Бонапарт»), но тут заметил, что Кача не только не слушает его, но и смотрит мимо глаз.

И в лице ее радость, и брови изумленно приподняты, и губы полуоткрыты.

Мачатынь глянул через плечо и удивился – никаких достойных восторга чудес у него за спиной не творилось.

Ветер гнал волны по ржаному полю, уже не зеленому, а желтовато-серому. Пахло липовым цветом. Блеяли овцы и жужжали пчелы. Все это были вещи обычные.

Мач еще сильнее вывернул шею.

По косогору, поросшему ромашками, шагом ехал гусарский офицер на высоком и поджаром сером коне.

Глава третья, о родственнике шаровой молнии

«...на высоком и поджаром сером коне», – именно в таком виде высыпалась на монитор моего компьютера последняя строка. И я задумалась.

Великое множество самых непредвиденных вопросов смущало меня. Начать-то повесть о несусветном эскадроне оказалось проще простого – послышалось, как хрипловато выкликают где-то вдали тревогу боевой рожок, как стучат копыта, много ли надо? А вот продолжать...

Не было у меня ровным счетом ничего, ни архивных документов под длинными номерами, ни кандидатских или там докторских диссертаций многолетней давности о том, как проходил в Курляндии 1812 год. Ну, до такой степени у меня ничего не было, что даже пресловутый Дюма, который честно считал историю гвоздем, поддерживавшим его причудливые картины, – так вот, даже Дюма бы возмутился.

В довершение всех бед, я до сих пор путалась в хронологии, то не вовремя прибавляя, то не вовремя отнимая две недели разницы между старым и новым стилем.

Но страшное нетерпение владело душой.

Уже позвал рожок. Уже застучали копыта.

Слева от компьютера висела неважного качества репродукция – но висела не из-за качества, а чтобы душу будоражить. Это была «Свобода на баррикадах» Эжена Делакруа, глядя на которую, я слышала внутренним слухом отрывистый ритм «Марсельезы». Песня была моим ключиком к двери...

А по ту сторону двери, чуть приоткрыв ее, стояли за моей спиной живые люди. Я знала, что обернусь – и увижу их лица. Они пришли откуда-то из иной реальности и встали у двери – а отворить им эту дверь могла только я. Только я, одна во всем нашем мире, слышала сейчас их дыхание.

И эти люди уже начали вытворять что-то, чего я не задумывала. Я не могла следить за ними круглосуточно и описывать их жизнь минута за минутой – естественно, они в то время, которое я проскочила, как незначительное, уже ухитрились чего-то такого понаделать, чего сами, конечно же, не расхлебают. Расхлебывать придется мне.

А пока я страдала перед монитором компьютера, окончательно сгустилась за окном ночь, и погасли все окна в доме напротив, и подал свой заспанный голос мой убогий здравый смысл.

– Ну что за нелепые ночные бдения, – запричитал он на одной ноте, – Ты же все равно ничего не делаешь, а если и сделаешь – ничего ты своей повестушкой не изменишь. Лучше устранишься от того безобразия, которое тебе так осточертело, лучше махнуть на него рукой и лечь спать, завтра с утра столько всякого, ведь опять проспишь...

– Конечно, конечно, – отвечала я ему, – сейчас, сейчас...

И действительно отправилась бы, вздохнув, умыться на ночь и переплетать косы, но тут произошло неожиданное.

За двойными стеклами моего закрытого окна появился светящийся шар, с детский резиновый мяч величиной, весь в играющих язычках огня, золотых, оранжевых и даже розовых.

Я столько читала в газетах про шаровую молнию, что сразу ее узнала. И, честно говоря, перепугалась, потому что от этого феномена можно было ждать всяких сюрпризов. Первая мысль была – звонить пожарным! Я, не отводя глаз от окна, потянулась за телефонной трубкой, но тут шар легко и беззвучно просочился сквозь двойные стекла прямо в комнату и повис над подоконником. Рука моя окаменела, а дар речи, мое самое верное и доставляющее множество проблем свойство, исчез, смылся и следов не оставил.

Шар между тем направился прямо ко мне.

На редкость нелепо сработал инстинкт самосохранения – первым делом я выключила компьютер, потому что за него большие деньги заплачены. А потом уж выбросила вперед руку, которая досталась мне куда дешевле, – как будто могла отстранить ладонью огонь.

И услышала:

– Не бойся, не обожгу!..

Голос, по всей видимости, исходивший из середины шара, был хрипловатый и почему-то внушающий доверие. Сам же шар подплыл поближе и завис в нескольких сантиметрах от моей руки, так что я чувствовала исходящий от волнующихся язычков жар.

– Да не бойся же, – повторил голос, – а принеси лучше какую-нибудь тарелку.

– Зачем тарелку? – от чрезмерного удивления дар речи воскрес во мне.

– Устал я, – пожаловался голос. – Прилечь хочется.

– Ложитесь, пожалуйста, – совсем ошалев, предложила я. – Вот кресло... вот диван...

– Какое там кресло... – вздохнул голос. – Я его прожгу.

Жутковатая ситуация понемногу обретала черты какой-то несуразной, но в то же время достоверной реальности. Это успокаивало. Я достала из буфета фарфоровое блюдо с букетами и цветочной каймой.

– Люблю старинную посуду, – одобрил голос, – хотя предпочитаю глину. Поставь на стол, вот сюда, чтобы нам удобнее было разговаривать.

Шар плавно опустился на блюдо, и я увидела, что это даже не совсем шар, скорее клубок, и он вроде как раскручивается. А через несколько секунд ахнула от изумления – в середине клубка обнаружилось лицо.

Больше всего на свете оно было похоже на мордочку пушистого котенка, такого пушистого, что в этой мохнатости даже уши теряются, а видны в ней лишь огромные глаза и крошечный носишко. Но тем не менее это было именно лицо, причем я непостижимым образом разглядела старческие морщинки на лбу и вокруг глаз. Только лицо это постоянно менялось, внутри него играл свет, по нему проносились рыжие и красноватые отливы, а выражение было совершенно неуловимо.

– Ну вот, – удовлетворенно вымолвил невидимый под короткими и редкими, совсем кошачьими усишками рот. – Вот я и нашел тебя.

– А вы, простите, кто? – осмелилась я задать вопрос. – С виду – шаровая молния, а на самом деле?

– Основательно же вы нас забыли, – грустно и насмешливо заметил голос. – С молнией мы, правда, в родстве, но путать нас не надо. Я – путис.

– Путис?!..

Он молчал, ожидая, что я скажу по этому поводу.

Слово было знакомое. Так в латышских сказках называется вредоносный змей, которого непременно побеждает богатырь или третий отцовский сын. Но у того – совсем другое устройство. Крылья, хвост с шипами и голов немеряно... Реалистка-память сразу же подсунула портрет какого-то доисторического «завра», а то и «донта».

Путис усмехнулся.

– Я из рода тех путисов, что приносят своему хозяину удачу, – объяснил он. – Ночами мы носимся по свету, по пространствам и временам, и приносим на хвосте всякое добро. Можем зерно принести, хоть целый воз, бочку меда, мешок золота. Главное – найти хорошего хозяина, которому стоит отдать навеки свой огонь.

– Почему – отдать огонь?

– Потому что мы не вечные двигатели. Наши полеты требуют определенных энергозатрат, – ученым тоном объяснил путис. – Я уж не говорю о переноске тяжестей. Выбирая хозяина, путис должен быть готов к тому, что с каждым полетом масса его плазмы будет умень-

шаться, уменьшаться... и наконец он просверкнет золотой искрой и исчезнет. Я тоже, наверно, скоро исчезну. А в молодости я был больше самой здоровенной тыквы!

– Зачем же отдавать свой огонь?

Путис скроил такую рожицу, какую делает человек, пожимая плечами.

– Так надо.

– Непременно найти хозяина, который выкачает из тебя весь огонь?

– Нас для этого создали, – туманно отвечал путис. – Вообще-то вам, людям, это тоже доступно, только вы не уменьшаетесь в объеме.

Тут в мою голову пришла совсем неожиданная мысль.

– Но если цель вашей жизни – отдавать огонь и погибать, то откуда же берутся новые путисы?

По его удрученному молчанию я поняла, что задела болезненное место.

– Ниоткуда они не берутся... Вот в чем беда. С того дня, как мы поняли свое истинное предназначение, ни один путис не захотел воспитывать потомство. У нас, как и у вас, демографический кризис.

– Предназначение – это служить хозяину, что ли?

– Вот именно, – согласился он и с гордостью добавил: – Нас для этого создали.

Логика во всем этом было маловато.

Возможно, с логикой было туго у того, кто создал путисов. А может, и у них самих.

– В конце концов, неизвестно, для чего создали нас, людей, – проворчала я. – Может, и у нас такое же странное предназначение, только мы о нем еще не знаем...

– Ваше предназначение – свобода! – уверенно сказал путис. – А поскольку в тебе оно особенно сильно проявляется, то вот я тебя и выбрал.

Он послал луч и высветил репродукцию Делакруа.

– Ого!.. – я отодвинулась подальше от блюда с огненной мордочкой.

– Ничего себе нашел хозяйку!

– Нашел вот... – согласился он. – И, между прочим, довольно долго искал. Такое сочетание таланта и любви к свободе встречается раз в столетие! А среди женщин – и того реже. То есть, свобододолюбивых женщин множество, а талантливых среди них – сама знаешь...

Комплименты слушать всегда приятно. И мне даже не пришлось в голову спросить – почему этому плазменному льстецу потребовалась именно талантливая хозяйка, а не талантливый хозяин.

– А не боишься, что со мной трудно придется?

– Вот именно поэтому, – тут я отчетливо увидела среди играющих язычков пламени вполне человеческий лукавый прищур. – Ты-то сама разве не выбрала именно того человека, с которым трудно придется?

Этот огненный всезнайка заставил-таки меня покраснеть!

– Зачем же тебе повторять мои глупости? – строптиво отвечала я.

– В том-то и дело, что это не глупость, а мудрость. Не глупость рассудка, а мудрость души, понимаешь? – тут он заглянул мне в лицо удивительно родным, любимым мною движением. – Мне очень жаль тебя, если ты этого не понимаешь.

Мы помолчали.

Я думала о том, кто точно так же заглядывал мне снизу в лицо. Путис наблюдал за мной с тарелки и, похоже, читал мысли.

– Хорошо, – вдруг решила я, – привязывайся! В этом что-то есть. Как тебя зовут?

– Как назовешь, – сказал он. – Ты теперь хозяйка.

– Не Шариком же... – пробормотала я, потому что как иначе кликать родственника шаровой молнии? Надо бы покрасивее.

Родственник ждал, и на мордочке обозначился живейший интерес.

– А назову я тебя... Ингус.

– Ингус... – повторил он, очень довольный. – Очень хорошо. Теперь приказывай. Куда мне лететь? Что принести?

Перед моим внутренним взором пронесся косяк невообразимых вечерних платьев, совершенно мне не нужных, и, плеща рукавами, колыхая длинными боа из страусиных перьев, сверкая драгоценностями, растаял в ночном небе...

– А напрасно, – заметил путис. – Это я могу в два счета. Прямо из Парижа. Ваши женщины одеваются как-то пошло. А тебя бы я нарядил как принцессу Диану!

– Незачем тебе расходовать энергию на такую ерунду. Да и на кой они мне? Запуталась я, милый Ингус. И ничто мне теперь не в радость. Вот, полюбуйся – две главы как из пушки выстрелила, а дальше – тпру! В ушах – ни строчки, ни слова, одни копыта!

– Переставь-ка блюдо поближе к компьютеру! – велел Ингус. – И нажимай «page-down», только не очень быстро.

Он быстро одолел обе главы.

– Ну что ж, я рад за тебя. Так оно и было. Почти все. Во всяком случае, в лесу эта парочка от меня резво ноги уносила. Только ветки трещали.

И, поймав мой изумленный взгляд, Ингус пояснил:

– Мы же шатаемся по временам, как неприкаянные, неведь куда забредаем в поисках хозяина. Вот я и оказался в том мире, к которому ты подключилась.

– Он – есть? – беззвучно спросила я. Очевидно, в ту минуту глаза мои выкатились на лоб, а рот после вопроса приоткрылся.

– Куда же он денется... – усмехнулся путис. – Не думай, что ты изобрела нечто нереальное. Твой талант оказался достаточно силен, чтобы подключиться, а это немногим дано. И началось взаимодействие. Ну, а что же, по-твоему, было дальше?

Вдохновленная очередным комплиментом, я начала перечислять, чего мне не хватает для дальнейшей работы...

Путис выслушал с заметным неудовольствием.

– И ножниц. Главным образом ножниц тебе не хватает, – вдруг перебил он меня.

– Помилуй, Ингус, при чем тут ножницы?

– А как же? Вырезать куски из чужих диссертаций, страницы из чужих научных книг, и клеить их в свою повесть. За это тебя никто к ответу не притянет, если будешь действовать с умом и выбирать авторов, которые уже давно померли.

– Но историческая правда? – пискнула я.

– Не думаешь ли ты, что историческая правда заключается в точной стоимости фунта говядины и в фасоне аксельбантов? Допустим, есть правда цифр, километров, обмундирования, а разве в ней дело? Главное сейчас – не вступать с ней в особое противоречие и уделять ей столько места, сколько она заслуживает. А есть кое-что поинтереснее – правда судьбы... И правда свободы!

Он сказал это так задорно, что я чуть не расцеловала его.

– Вот именно, правда свободы! – повторила я. – Она во мне! Она мне жить спокойно не дает! Понимаешь, уже протрубил боевой рожок! Мои герои уже есть, и вот-вот они начнут преподносить мне сюрпризы.

– Вот за это я тебя и выбрал! – прямо-таки завопил Ингус. – И ты принесешь им свободу! Хочешь? У тебя это просто замечательно получится!

– А как? – вполне искренне удивилась я. – Я – здесь, а они – там. Я могу только написать, как оно все там было, и не более того.

– Ну, это уж совсем просто! – добродушно сообщил путис. – Я же тебе говорю – уже началось взаимодействие! Когда подключаешься, сгустки информации можно гонять в обе стороны, туда и обратно. Сделай себе двойника да и пошли туда.

– Вот чего не умею, того не умею, – призналась я. – Читала я, как где-то там в Гималаях йоги или монахи этим развлекаются, но, как ты понимаешь...

– У них свой способ, а у тебя – свой. Ну-ка, тащи мое блюдо в прихожую, к большому зеркалу.

Тут я заподозрила, что Ингус уже бывал дома в мое отсутствие. Но додумать эту мысль до конца не было никакой возможности.

Путис совсем раскомандовался. Он велел мне отыскать свечу, взгромоздить ее повыше – пришлось открыть антресоли и приспособить ее на самом краю полки – и выключить электричество. Блюдо рекомендовал поставить на табурет справа от зеркала.

– Ну, а теперь смотри на себя внимательно, – сказал Ингус, когда я стала нос к носу со своим отражением.

Я довольно долго критически вглядывалась в собственное, не первый год знакомое лицо.

– Ну, действуй, – подсказал он.

– Как действовать? – шепотом спросила я.

– Снаряжай двойника в путь.

– Как это – снаряжать?

– Как знаешь.

И, устроившись поудобнее на своем блюде, путис приготовился наблюдать.

– Я понимаю, что тебя все это развлекает, – сказала я. – Ладно, я тоже буду развлекаться!

Те мрачные истории о злобных двойниках, которых в последнее время газеты и журналы напубликовали выше крыши, меня не вдохновляли. Для того, чтобы интересоваться оккультными науками, мой норов был слишком жизнерадостным. Я не могла заниматься тем, в чем не присутствовало ни крупицы юмора.

И работа над двойником началась так.

Стараясь не отводить глаз от своего отражения, я вытащила из ящиков трюмо несколько старых косметичек. И получила кучу пудрениц, карандашей для век и бровей, коробочек с тенями для глаз, тюбиков с тональными и прочими кремами, трубочек с несмываемой тушью... Все это добро копилось годами, и синие тени для глаз в патрончике, как для губной помады, давно вышли из моды. Но у какой женщины легко поднимается рука выбрасывать такие вещи?

Раз двойник – женского рода, то и снаряжать его нужно по-женски... Конечно, чтобы загорелись румянцем щеки двойника, следовало поработать кремом, румянами и тональной пудрой над моими. Но я решила наоборот – точнее, лень моя решила. Большая радость – в два часа ночи смывать с себя сантиметровый слой всякой дряни... Взяв самую яркую помаду, я навела на щеки двойнику алые круги прямо по зеркалу. Потом немного растерла пальцем. И щеки той женщины в зеркале заалели, округлились, а на стекле не осталось ни малейшего следа!..

– Так, верно... – удивленно похвалил Ингус.

Я пустилась творить!

С каждым мазком лицо двойника обретало свежесть и такую красоту, что мне и не снились. Я не на шутку увлеклась этой живописной деятельностью. Никогда мне не удавалось так изменить собственное лицо. Глаза двойнику я особо увеличивать не стала – оставила почти свои. Но, набрав на ершик побольше черной туши, прошлась по косам, от чего каждая стала в руку толщиной и ниже пояса длиной.

Не хватало головного убора. Я покопалась в памяти – кажется, тогда носили тюрбаны? Во всяком случае, писательница Жермена де Сталь, отважно воевавшая своими книгами с Наполеоном Бонапартом, точно ходила в тюрбане – я как-то видела ее портрет... и даже что-то читала об этом... Уверенными мазками губной помады я обвила чернокудрую голову двойника алым шарфом, на манер фригийского колпака. Что сразу же внесло в образ аромат Свободы...

Но я отправляла эту женщину на войну... Я слала ее вдогонку за моими героями, и, выходит, ей судьба полюбить одного из них. Раз уж она – мое отражение... Но с тем безрассудным героем, с тем неисправимым седым мальчишкой ведь хлопот не оберешься! Сколько опасностей ни сулит ему эпоха, он выберет все сразу... Значит, великое множество раз потребует ему помощь...

Среди всего прочего лежал на трюмо также охотничий нож – прощальный подарок одного друга. Это был широкий, тяжелый, надежный клинок, который я уже несколько лет использовала не по назначению – сегодня утром, например, меняла пластмассовые набойки на каблучках. Но, видно, пробил его час. Я взяла нож в левую руку, соответствующую правой руке двойника, и тем самым голубым карандашом для глаз, стерев его до основания, удлинена клинок до сабельной величины. Потом бронзовым карандашом выписала позолоченный эфес...

– Неплохо, неплохо... – бормотал Ингус. – Я знал, что ты меня поймешь...

Пожалуй, аксессуаров хватало. Женщина за стеклом была готова в путь. Я посмотрела ей в глаза, уже не зная точно, чьи они, и изумилась – столько в них было сумасбродной отваги и лукавой нежности.

– Иди! – приказала я. – Доверяю его тебе. Умри, а никому не дай в обиду! Ты ж понимаешь...

– А теперь медленно отступай от зеркала, – тихонько подсказал Ингус. – И она будет отступать, пока не скроется во мраке...

Я сделала назад шаг и другой. Тут сверху рухнула свеча – и действительно в зеркале остался один только мрак.

Но я не могла уйти от него...

– В чем дело? – осведомился путис.

– В языке... – растерянно сказала я. – Знаешь, мне это раньше и на ум не приходило...

И я присела на трюмо.

– Какой язык имеешь ты в виду? – спросил он.

– Да тот, на котором мои герои будут понимать друг друга! Я вдруг сообразила – те из них, что владеют, скажем, немецким, вовсе не говорят по-французски. И наоборот. А Мач – тот вообще знает только латышский язык! Что же делать? Может, попросить какого-нибудь универсального переводчика послать туда своего двойника?

Ингус рассмеялся.

– А ты сама хоть слово по-французски знаешь?

– Знаю наизусть первый куплет «Марсельезы»! – гордо ответила я.

– Это хорошо, «Марсельеза» тебе там очень даже пригодится, – одобрил он. – По-немецки?

– «Хенде хох!» и «Гитлер капут!»

– Хм-м... По-польски?

– Еще меньше.

– Тяжелый случай! – притворно запечалился окаянный путис. – Придется тебе, видно, на ходу всю эту лингвистику осваивать и писать свою повесть на четырех, а то и более, языках одновременно! И продавать ее в комплекте с четырьмя словарями. Это будет тяготно, зато познавательно.

– Ингус, я ни минуты ждать не могу! – решительно предупредила я. – Уже позвал рожок. Уже стучат копыта серого коня!

– А раз так, то тебе остается один выход – писать сказку.

– Ты спятил... – горестно вздохнула я. – Я уже всем сказала, что пишу исторический роман!

– В сказке герои обходятся без переводчика, – сразу привел он самый главный аргумент. – Да и веселее получится. Представляешь – сказка с чудесами! Сказка про свободу! Про свободу

и любовь, про любовь к свободе и про свободную любовь! Ты же всю жизнь о такой сказке мечтала! Ну, так в чем же дело?

Я упрямо молчала, не желая соглашаться. Видно, чьи-то лавры великого историка не давали мне покоя... А душа уже неслась навстречу похождениям и чудесам, а в плечо уже ткнулись ласковые губы тонконогой гнедой кобылки, а косы я привычным движением обвила вокруг головы...

Восторг наполнил душу, в ушах возник и пронесся шорох высокой сухой травы о конские ноги...

И мы уже оказались в комнате, и мой палец уперся в кнопку компьютера, и щелкнуло, и на мониторе пошла мельтешить вся автобиография моей «четверки»...

– Садись, пиши! – приказал Ингус. – На чем мы там остановились?

– По косогору, поросшему ромашками... – неуверенно сказала я. Было до этих слов еще что-то странное, непонятное, чего я не задумывала, а мои герои – не понимали. Что-то с ними без меня сотворилось такое...

– Да пиши же ты! – прикрикнул Ингус. Но я помотала головой.

Что-то с Мачатынем и Качей было не так...

Глава четвертая, о которой автор пока что и не подозревает

Когда яростный шар устремился к Мачу, Кача непроизвольно отшатнулась и тоже зажмурилась. Горячие лучи пронизали ее тело, но это было скорее приятно, чем страшно.

Жар охватил колени и стремительной змеей взвился в девять витков до самого подбородка. А потом как нахлынул, так и спал.

Тогда девушка открыла глаза. И удивилась примерно так же, как ее несостоявшийся жених.

Она была вовсе не на опушке, а посреди круга из священных камней. А точнее сказать – почти возле главного камня, светлого и плоского, на котором могло бы улежаться по меньшей мере два человека.

– Не бойся, миленькая, не бойся, – прозвучал справа голос – грудной, полнозвучный и даже задушевный. – Мы тебя пугать не хотели. А только иначе заполучить сюда ночью не могли.

Кача повернулась – и дыхание у нее захватило. Ей улыбалась молодая смуглая женщина, одетая в темно-коричневую рубаху до колен из тонко выделанной замши, в меховую безрукавку, с ожерельем из звериных клыков и еще какими-то странными штуковинами на шее. Черные длинные волосы этой женщины были смазаны чем-то жирным и тщательно расчесаны и приглажены, отчего висели, как плоские веревки, каждая в палец шириной, и к тому же голова была обвязана по вискам кожаной полоской, с которой свешивались костяные и янтарные фигурки.

Все бы ничего – но вот улыбка! Зубы женщины, ослепительно белые, величиной были – как крупные бобы.

– Да не съем я тебя, не съем, – услышала Кача вкрадчивый шепот. – Не для того мы тебя позвали, миленькая, сестричка наша драгоценная.

Тут только девушка обратила внимание на источники света. Во-первых, над головой жуткой незнакомки висел огненный шар. А во-вторых, на самом краю главного камня был разведен костер. Над тем костром стоял треножник, сооруженный из камней, на нем был укреплен глиняный толстостенный горшок, странной работы, в узорах из глубоких ямок, а в нем булькало варево. За камнем сгрудились еще семь женщин, одетых примерно так же и босых.

– Идем к огоньку, миленькая, идем, долгожданная!

Голос-то успокаивал, а зубы-то доверия не внушали! Кача, не говоря ни слова, кинулась было бежать, но зубастая ведьма ловко поймала ее за руку.

– Да не пугайся ты, глупенькая! Ну, совсем еще девочка... У тебя потом тоже колдовские зубки будут.

Смуглой рукой она вынула изо рта точеную из одного куска кости дугу с полудюжиной огромных передних зубов. Собственные у нее были куда как темнее.

– Зачем это? – срывающимся голосом спросила Кача. – Вы кто такие?

– А вот сейчас ты это и узнаешь, красавица наша, надежда наша, умница наша, – сказала ведьма. – И спасибо нам скажешь, голубушка. Сколько же мы тебя ждали!..

Семь женщин, одетых примерно так же, приблизились, улыбаясь. На ходу они вынимали свои устрашающие зубы и протягивали их на ладонях девушке – мол, разгляди, потрогай, ничего тут страшного нет.

– До чего же ты красивой уродилась, – продолжала самая первая ведьма. – Ручки, ручки какие! И этими ручками навозные вилы хватать! А личико, личико! Чтобы это личико на сенокосе обгорало, чтобы с этого носика кожа слезала? И ведь умницей выросла! Как в красавице нашей кровь чувствуется!

– Кровь, кровь чувствуется! Наша, старая, добрая кровь! – подхватили семь добродушных ведьм. – Как нашу кровь ни глушили, как ни истребляли, а она пробилась! Бегунья наша лесная, быстроногая...

– О чем вы говорите, какая кровь? – искренне удивилась Кача. Первым делом она, понятно, подумала о старом бароне, который за сорок лет активной жизни в поместье немалым количеством своей благородной крови поделился с местными жителями. Но Кача лицом уродилась в отца, так что барон тут был ни при чем.

– Твоя кровь, голубушка, – и с этими словами самая молодая из ведьм, с волосами по плечи и в расшитой кожаной повязке, выскользнула из-за камня и сняла с шеи сакту. Странно смотрелась серебряная сакта с ладонь величиной, с круглыми высокими пупырышками, на черной кожаной рубахе – но, приколотая к серой вышитой сорочке Качи, она прямо налилась блеском. Вот тут ей и было истинное место.

Кача схватилась за сакту. Такого дорогого украшения у нее никогда не было и быть не могло.

– Носи, носи, тебе нужно парням нравиться, – первая ведьма погладила девушку по плечу. – Нам такие вещицы ни к чему, а тебе их дадим сколько хочешь. Мы клады знаем. Наведем на клад – и будешь самая нарядная. Ты ведь наша младшая сестричка, мы, старшие, должны тебя любить, холить, баловать!.. Самые дорогие виллайне у тебя будут! Самые пестрые юбки! И венки бисерные! И рубашки тонкого полотна!

Слушая эти прельстительные обещания, Кача и не заметила, как ее окружили со всех сторон, как увлекли к самому камню, как темные худые руки составили хитроумную ловушку...

– Но прежде ты должна умереть! – воскликнула ведьма.

Девушку повалили на плоский камень, рванули на ее груди рубашку, она закричала, но сухая ладонь запечатала ей рот. Увидев нацеленный ей в шею короткий толстый клинок из темного, лишённого блеска металла, Кача закрыла глаза.

– Ты умрешь, ты умрешь, глупенькая... – жутким шелестом твердили ведьмы, – ты покинешь этот мир и войдешь в другой мир, это не страшно, ты всего только умрешь...

Острые коснулись груди, прокололо кожу – но дальше не пошло.

– Говори, Тоол-Ава! Говори смертное слово над сестрой!

– Пусть умрет! Я, Тоол-Ава, огнем своим выжигая из нее все, что дали ей пришельцы! Все вражеское я из нее выжигая, чтобы нашим, родным заменить!

Огня не было, хотя что-то горячее и коснулось щек. Кача приоткрыла глаза – это были две ладони ведьмы по имени Тоол-Ава, от них шел жар. Ведьма провела огненные пятна по телу девушки от головы до колен, вскинула руки к небу, сжала кулаки, отступила и застонала, закружилась, всплескивая длинными волосами, топоча босыми пятками, ударяя в ладони. Над ее запрокинутым лицом висел огненный шар – и казалось, будто она пьет живое пламя.

– Она умирает, она умирает!.. – взывала Тоол-Ава.

– Говори свое слово, Поор-Ава! – раздался звучный грудной голос. – Говори смертное слово над сестрой, Медвежья хозяйка!

– Пусть умрет! Я, Поор-Ава, от Медведицы рожденная, отнимаю у сестры ее имя, врагами данное! – хрипло прорычала самая высокая и крепкая из ведьм. – Когтями и клыками возьму из ее тела это имя – и уничтожу его! Раздеру в клочки! Пусть заслужит себе новое имя!

Острые ногти проскребли по обнаженной груди девушки, оставляя красные следы. Поор-Ава взмахнула руками – и Кача явственно увидела огромные медвежьи лапы с выпущенными когтями в палец длиной, с черными изогнутыми когтями! Лапы вознеслись ввысь, опустились ей на грудь – туда, где бешено колотилось сердце, раздался рык. Кача попыталась рвануться в сторону и скатиться с камня, но ее держали крепко.

Она почувствовала, как когти смыкаются вокруг сердца.

Но смерти не было. Взмыли медвежьи лапы с пустыми когтями – да и не лапы уже, а широкие рукава с бахромой из полос жесткого меха. Поор-Ава, от Медведицы рожденная, закружилась возле Тоол-Авы, рыча и вскрикивая. Высокая меховая шапка еле удерживалась на запрокинутой голове.

– Пусть умрет! Тогда я, Виирь-Ава, наконец-то возьму ее в свои леса! – воскликнул высокий пронзительный голос. – В свои темные, страшные, недоступные пришельцам леса! Пусть хранят ее отныне Семеро медведей Лесного народа!

– Не бойся... – прошептала прямо в ухо Каче та ведьма, что вышла к ней первая. – Сейчас все кончится, и ты станешь совсем нашей, сестричка...

– А я не боюсь... – неожиданно для самой себя прошептала в ответ Кача.

Смерть прошла сквозь нее, не причинив ей вреда, и ушла куда-то в небытие. Начиналась новая жизнь – странная, колдовская, и все же жизнь...

– Я, Вууд-Ава, защищаю ее от пришельцев своими реками, озерами и болотами! Пусть хранит ее вода и оберегают ее мои Вууд-кули!

– Я, Ваам-Ава!..

– Я, Наар-Ава!..

– Я, Мааса-Ава!..

Кача перестала понимать, что это такое творится. Ее обдал холод, потом оглушил свист. Половины слов она не разбирала – так вскрикивали и выли пляшущие чертовки. Ведьмы не собирались ее убивать – это давно стало ей ясно, они что-то хотели отнять у нее, а что-то дать взамен. И для этого нужно было провести ее сквозь смерть. Вдруг Кача поняла, что иначе было невозможно... На лицо девушке упал пушистый мех, на ноги пролилась ледяная вода. И внезапно все кончилось – и топот, и вопли, и рык.

– Ты умерла, сестра, – сказал тот полнозвучный голос, что так удивил Качу сначала. Очевидно, это была Наар-Ава, обещавшая охранять ее ночным свистом. – И ты вошла в новую жизнь. Ты больше не девочка – ты Ава! Когда ты пройдешь иные испытания, отправишься добывать себе имя.

Кача, которую никто больше не держал, села на камне – и вдруг вскочила.

– Что ты, сестричка? – в голосе ведьмы было даже что-то материнское. – Что случилось? Бояться больше не надо! Все плохое для тебя кончилось, теперь начнется только хорошее!

– Камень... – прошептала Кача. – Если сидеть на камне – замуж не выйдешь...

– Замуж тебе теперь выходить ни к чему, – успокоила ее Наар-Ава. – Ты же умерла. Теперь у тебя иная жизнь.

– Как это?.. Я больше не вернусь?.. – Кача окаменела, но вдруг странная улыбка раздвинула ей губы. А в самом деле – куда ей возвращаться? В грязный хлев? К свиньям и неумытым батракам? Девушка негромко рассмеялась – и понимающим смехом ответили ей ведьмы.

– К сожалению, вернешься. На недолгое время. Потому что без твоей помощи в одном важном деле нам не обойтись, – сказала Поор-Ава. – Но ты не думай, глупенькая, будто что-то потеряла. Наоборот – ты нашла самое прекрасное, что может быть в мире. Ты нашла свой народ.

– Ты – дочка Лесного народа, твоя мать – Медведица, твои братья – Семь медведей!.. – одновременно заговорили ведьмы. – Теперь-то мы все тебе расскажем! Всю правду! И только ты можешь вернуть жизнь своему народу!..

– Мы никому не мешали! – вознесся пронзительный голос Виирь-Авы. – Лесной народ жил себе в лесах, жил и был счастлив. А потом пришли эти... Не хочу называть имени. Пришельцы! Враги! Они выгнали нас из наших лесов! Они выжигали леса и распахивали свои жалкие пашни!

– Их боги хитростью одолели наших древних богинь! – добавила Наар-Ава. – Да и чего ждать от народа, чьи главные боги – мужчины? Их громовержец – мужчина! Они принесли

тупую мужскую силу – и наша исконная мудрость не устояла. Наш народ под их натиском стал отступать на север. Наши самые малодушные Авы повели его туда – и он пропал!

– Пропал! – подхватила маленькая, кругленькая Хозяйка вод – Вууд-Ава. – Женщины забыли древние правила брака и воспитания. Он смешался с другими народами, вступил в недозволенные браки и пропал... Даже имени своего там не оставил!

– А те, что не ушли? – спросила взволнованная Кача.

– Те, что не ушли, – перед тобой, – хмуро ответила Тоол-Ава. У ее босых ног лежал огненный шар и испускал неяркий свет – очевидно, отдыхал.

– Но мы вернемся! Мы разбудим спящих и поднимем умерших! – грозно воскликнула Виирь-Ава. – Мы истребим пришельцев и вернем своему народу его материнский край!

– Смертное слово... Смертное слово... – прошелестело как бы в кронах, в кустах, в траве.

– Смертное слово... – повторила и Кача.

– Слушай! Вот зелье. Мы варим его уже третью ночь. Знаешь ли ты, что это за зелье? – спросила Тоол-Ава.

– Нет, откуда мне знать? – вопросом же ответила немного осмелевшая Кача.

– Ничего страшнее этого зелья на свете нет!

При этих словах Вууд-Авы колдуньи негромко и жутковато рассмеялись.

– Скажи, сестричка, если я призову на твою голову огонь, где ты от него скроешься? – и Тоол-Ава, Хозяйка огня, улыбнулась, блеснув безупречно белыми огромными зубами.

– В воде? – нерешительно сказала Кача.

– А если я призову на твою голову воду? Где ты скроешься? – спросила Вууд-Ава.

– На земле?

– А если я призову кабанов и волков?! – взвизгнула Виирь-Ава.

Кача поняла наконец – ее испытывают загадками, как сама она испытывала Мача.

– Залезу на дерево! – уже почти весело сказала она.

– Умница, сестричка! – похвалила ее Наар-Ава. – А если тайная сила прикажет тебе, чтобы ты сама себя убила? Где ты от этого-то скроешься?

– Нигде! – подумав и поняв, твердо объявила Кача.

– Вот и они нигде не скроются! Нигде! Они сами себя истребят! – разом заговорили Авы.

– Иди сюда, гляди в зелье!

Качу поставили перед кипящим на каменном треножнике горшком, заставили нагнуться и вдохнуть крепкий, дурманящий запах.

– Видишь ли ты свое лицо?

– Нет.

– И не можешь увидеть, – успокоили Авы. – Это дано лишь одному из них – из врагов. Из пришельцев! И ты знаешь его.

– Кто это? – понимая, что от нее ждут вопроса, поинтересовалась вконец осмелевшая Кача. И тут в ней проснулось чувство, очень похожее на слепую и тупую ненависть.

– Кто это? – повторила она, но это был уже совсем другой вопрос. Она хотела услышать имя врага.

По ту сторону пара, идущего от горшка, возникло лицо Ваам-Авы, Хозяйки ветров. Колдунья подула – пар разошелся, и обе они стояли теперь глаза в глаза, упираясь руками чуть ли не в костерок под горшком.

– Редко, так редко, что и сказать невозможно, рождается Дитя-Зеркало. Лишь его лицо может отразиться в зелье... – прошептала Ваам-Ава, но от ее легкого дыхания волосы на голове Качи отлетели назад, косы расплелись, каждый волосок встал дыбом. – Видно, и у Лесного народа когда-то родилось Дитя-Зеркало, а пришельцы его погубили. В судьбе младенца отражается вся будущая судьба его народа. Что случится с ним – случится и с народом! Если он счастливо проживет свой век – народ будет благоденствовать. Но если он погибнет мучитель-

ной смертью – то же случится с народом! Мы ждали сотни лет – и вот у пришельцев восемнадцать лет назад опять родилось Дитя-Зеркало!

Ваам-Ава, хозяйка ветра, замолчала.

– Мы убьем его, – уверенно сказала Кача. – Мы убьем его зельем.

– Нет! – воскликнула Мааса-Ава, пылко обнимая ее. – Нет, сестричка! Эту ошибку мы повторять не станем!

– Несколько раз за эти столетия рождалось у них Дитя-Зеркало. И каждый раз мы ошибались. Мы складывали его судьбу так, что оно гибло, но мы не открыли главного закона – народ может сжечь лишь сам себя, – объяснила Тоол-Ава. – Мы накликали на них других пришельцев, закованных в железо и вооруженных крестом! Дитя-Зеркало погибло в сече – но народ уцелел. Мы накликали на них чуму! Дитя-Зеркало погибло – но народ и тут выжил. Зато теперь средство не подведет... Мы нашли свою ошибку! Мы открыли тайну!.. Они сами себя сожгут!

Кача отшатнулась – вокруг лица Тоол-Авы дыбом встали языки огня. Поплясали – и погасли.

– Пусть сожгут! – захваченная этой яростью, воскликнула Кача. – Нечего им тут делать, в наших лесах!

– Мы дадим тебе зелье, – сказала красавица Наар-Ава. – И ты сделаешь так, чтобы Дитя-Зеркало выпило полный пузырек. Ты повторишь это трижды – и тогда сбросишь свою опостылевшую оболочку, тогда в тебе проснется твоя истинная душа! Ты получишь имя!

– Я получу имя! – и Кача треснула кулаком по священному камню.

– У нас мало времени, – напомнила Вууд-Ава. – Время течет куда быстрее, чем мои медленные воды. Выполнишь долг – станешь Хозяйкой времени!

– Это ты хорошо придумала, – согласилась Тоол-Ава. – Та, что погубит врагов своего народа, достойна стать Матерью времени.

– И мы откроем тебе Великую тайну Ав, тайну средоточия силы, – пообещала Наар-Ава, поднеся руку к груди и зажав в кулак что-то, упрятанное под ожерельями. – Но нужно торопиться. Дитя-Зеркало должно получить зелье, пока оно еще на грани – уже не мальчик, еще не мужчина. И не стать ему тогда мужчиной!

– Держи пузырек! – воскликнула Виирь-Ава. – Держи! Спаси мои леса! Кача зажала в горячей ладони каменный пузырек, чье горлышко было захлестнуто волосяной толщины ремешком, и сама словно окаменела.

А возбужденные Авы пошли хороводом против солнца, всплескивая обнаженными руками и бахромчатыми рукавами, вокруг Качи и камня, на котором поспевало в странном горшке варево.

– Пусть они пожелают смертельной свободы! – крикнула Тоол-Ава, и огонь под горшком вспыхнул, озарив свирепые лица и белоснежные зубы.

– Свободы вопреки всему! – добавила Виирь-Ава.

– Свободы, несмотря ни на что! – грозя пришельцам обоими кулаками, Ваам-Ава подпрыгнула на обеих ногах и пошла кружить прыжками, скрючившись и колотя камень.

– Свободы лишь для себя! – пожелала Вууд-Ава.

– Свободы от всего! – пропела Мааса-Ава.

– Той свободы, что губит разум и душу!

– Зелье ждет смертного слова! – взвизгнула Виирь-Ава, простирая руки над кипящим зельем.

– Нарекаю тебя Свободой! – Тоол-Ава накрыла своими руками сверху руки Виирь-Авы, и с двух десятков пальцев сорвались тонкие струйки огня, ушли в пузырящуюся жидкость, едкий пар окутал обеих Ав.

Кача стояла как дерево, как столб. Она видела что-то совсем странное – голые жуткие старухи, которых в три дуги согнули столетия, плясали, выбиваясь из последних сил, вокруг

священного камня, и грозили грязными кулачками, и подхватывали жидкие пряди когда-то прекрасных волос, и трясли ими над горшком, и выкрикивали слова давно мертвого языка. На нее никто не обращал внимания.

Вдруг одна из старух повернулась к Каче, шелкнула белейшими зубами, махнула сухой рукой, словно прогоняя вставший между ней и девушкой туман. И рука вмиг налилась плотью, засияла смуглой гладкой кожей, на плечах ведьмы оказалась нарядная кожаная рубаша, прибавилось роста, длинные ухоженные волосы заструились до пояса. И лишь одно осталось неизменным – высокая меховая шапка с двумя ушами наподобие медвежьих.

Две медвежьи лапы взяли горячий горшок, он подплыл к самой груди Качи, и твердые руки высвободили накрепко зажатый в ее ладони каменный пузырек. Наар-Ава осторожно перелила туда немного зелья, заткнула отверстие туго сложенной полоской кожи и повесила пузырек на шею Каче, пропустив под рубаху.

– Когда придет Дитя-Зеркало, ты вольешь в его питье наше смертное зелье, – негромко сказала Наар-Ава. – Ты легко узнаешь Дитя-Зеркало – при одном лишь приближении к зелью его охватит смертельная жажда. Сделай так, чтобы он выпил как можно больше зелья – и чтобы выпил именно он!

Кача молчала, не двигалась, покорно приняла скользнувший под рубаху пузырек, лишь покачнулась, но опять встала прямо. Глаза ее смотрели мимо Ав, непонятно куда.

– И еще одно должны мы сделать, – сказала Тоол-Ава. – Но это уже моя забота. Мы должны послать туда существо, которое будет как закваска для хлеба, как солод для пива. Должно же от кого-то Дитя-Зеркало узнать, как прекрасна кровью завоеванная свобода! И я знаю, кто это будет.

– Посылай, – кивнула Мааса-Ава. – Я не знаю, где ты такое существо возьмешь, но оно действительно необходимо.

– Мне его взять негде, – призналась Тоол-Ава. – Я такое творить не умею. Но есть женщины, которым это дано. Они все что хочешь сотворят, если дернуть за нужный волосок... И я нашла такую женщину. Более того – она почему-то уверена, что творит наш мир, и старательно записывает те отзвуки, что долетают до нее. Наш мир связался с ней, он проник в ее жизнь – пусть же и она проникнет к нам, чтобы принести пользу нашему делу. Кехн-Тоол!

Огненный шар шевельнулся, неторопливо взлетел и встал в воздухе напротив лица колдуньи.

– Кехн-Тоол! Ты полетишь, ты найдешь ее и ты сделаешь так, чтобы она послала сюда двойника! – приказала Тоол-Ава. – И ты притворишься ее преданным слугой. Нам важно знать все, что она затевает.

– Скажи ему, что все средства хороши! – крикнула Виирь-Ава.

– Все даже не потребуются, – усмехнулась Тоол-Ава. – Хватит лести. Ну, пошел! Назови ее своей хозяйкой, принеси ей побольше юбок и заставь послать двойника.

– Разве мы без него не обойдемся? – спросила Наар-Ава. – Ведь на сей раз и зелье сварено сильное, и Дитя-Зеркало родилось подходящее, и время нам благоприятствует...

– Нет песни, – сказала Тоол-Ава. – Ты же знаешь, как на них действуют песни!

И в голосе ее было невероятное презрение.

– Ну так мы и пошлем им песню! Двойник споет ее, больше никому. А потом может убираться... Ты еще здесь, Кехн-Тоол?

Огненный шар поплыл вдоль круга священных камней, потом пересек круг несколько раз – и принялся метаться между камнями, так что огненные полосы, обозначавшие в воздухе его след, сложились в многоконечную звезду.

Огненный шар все носился – а очертания звезды менялись. Центр ее сместился, одни лучи сделались совсем короткими, другие удлинились. Их становилось все меньше – и, нако-

нец, вырисовалась неправильная пентаграмма. Она соединила четыре камня в кругу и один, стоявший поодаль.

Огненный шар взмыл вверх прямо из центра пентаграммы – и сгинул. А она еще долго мерцала в воздухе, и тончайшие золотые нити, соединившие камни, медленно таяли.

– Вот и все, – сказала Поор-Ава. – Теперь нужно вернуть сестричку...

– Сестричку! – недовольно воскликнула Виирь-Ава.

– Сестричку! – весоמו подтвердила Тоол-Ава. – Нам без нее не обойтись. Ступай, сестричка, вернись к костру и до поры до времени забудь о нас. Когда ты нам понадобишься, мы тебя разбудим. Ступай! Помоги ей, Виирь-Ава.

Лесная хозяйка протянула перед собой руки – и кусты за священным кругом раздались, образовав узкий коридор. По коридору этому и пошла Кача, ничего не видя и не понимая, обеими руками прикрывая грудь и драгоценный пузырек с зельем. Виирь-Ава стояла, кончиками пальцев удерживая ветки, пока не поняла, что Кача уже вышла на открытое место. Тогда она опустила руки – и ветки сомкнулись.

– Как я устала... – прошептала Вууд-Ава. – Как я от всего этого устала...

– Немного осталось, – ободрила ее суровая Поор-Ава. – Теперь уже немного, сотни две лет, никак не больше.

Глава пятая, о красавце-гусаре

По косогору, поросшему ромашками, шагом ехал гусарский офицер на высоком и поджаром сером коне.

За ним-то и следила Кача восторженным взглядом.

Мач насторожился – сам он ни разу не ловил на себе такого взгляда. И парень еще раз ревниво глянул через плечо на гусара, пытаясь уразуметь, в чем же дело.

Не приплясывал, красуясь, его усталый конь, не горело на солнце золотое шитье мундира, да и ментик с доломаном, когда-то ярко-голубые, повыгорели, к тому же, дорожная пыль основательно покрыла жеребца и всадника. Но он подъезжал все ближе, и все samozабвеннее ловила девушка его взгляд.

Было в остром загорелом лице гусара, в мальчишески стройной фигуре, для которой военная выправка как бы сама собой разумелась, нечто такое, такое...

Но не в обаянии мундира, не в неизбежных длинных усах, не в лихой посадке крылась тайна. И даже не раннее серебро в густом пепельно-русом чубе и на висках, не пронзительность синих блестящих глаз, а что-то еще, неуловимое, недоступное пониманию, властно приковывало к нему душу.

Хотя серебро настолько шло ему, что уверенно можно было заявить – раньше, до седины, он не был так хорош. Хотя синева его глаз поражала издалека. А главная сила все ж заключалась в неуловимом...

Гусар подъехал совсем близко и улыбнулся Каче.

– Счастливый день, голубушка! – сказал он. – Что там у тебя в туске? Не молоко ли? Пить охота.

И наклонился с седла.

– Кваша... – прошептала Кача, громче у нее не получилось. На подвижном лице гусара обозначилось веселое любопытство.

– Это пьют? Тогда – дай-ка отведать!

– Там на доньшке осталось...

– Не беда!

Но испив кисловатой кваша, в которой плавали комочки творога и разваренные зернышки перловки, в особый восторг всадник не пришел.

– Жажду-то, надо полагать, сей лимонад утоляет, – философски заметил он, – но без великой надобности я его, пожалуй, впредь пить не стану.

И опять улыбнулся быстрой беспокойной улыбкой, от которой Кача, видать, совсем голову потеряла – не говоря ни слова, смотрела в лицо гусару, как бы уже принадлежа ему душой и телом.

Все это очень не нравилось Мачатыню.

– Скажи на прощанье, голубушка, где здесь дорога на Митаву? – спросил, собирая поведья, гусар.

Кача, слыша звонкий ласковый голос, но совершенно не разумея его смысла, с той же samozабвенной улыбкой обернулась к Мачу, как бы прося его ответить.

– В Митаву, милостивый господин, вам так просто не попасть, – сердито сказал парень. – Во-первых, наезженная дорога, что за лесом, ведет такими выкрутасами, что запросто сбиться можно и вместо Митавы в Вильно заехать. Там даже спросить пути не у кого – безлюдные места. Во-вторых, можно ехать прямо через лес, но нужен провожатый. Иначе приедете прямо в болото, милостивый господин...

– Болота бывают разные, – мудро заметил гусар. – Есть такие, где дно твердое – проедешь и шпор не замочишь.

– У нашего болота на редкость твердое дно, – сообщил Мач. – Те, кому повезло до него достать, в этом сами убедились. И так им это твердое дно понравилось, что они до сих пор там – на дне...

– Ясно... – сказал гусар.

– И в-третьих, – прищурился Мач, – еще одно мешает вам, милостивый господин, попасть в Митаву. Вы в другую сторону едете...

Гусар внезапно смутился и ничего не ответил.

Тут произошло непонятное и необъяснимое. Мач вдруг поймал себя на мысли, что сине-глазый всадник не только Каче – ему самому понравился, хотя и не до такой степени. И как раз в тот миг, когда смущение смягчило резкие черты молодого лица.

– Вы, милостивый господин, очень торопитесь в Митаву? – уже что-то соображая, спросил Мачатынь.

– Да, спешу к месту дальнейшей своей службы, – вдруг сухо отвечал гусар, и лицо его мгновенно окаменело, а из прозрачной синева ультрамариновых глаз, из самой ее глубины, вынырнула и скрылась отчаянная тоска.

Но лишь секунду длилась эта скорбная гримаска. Видно, красавец гусар стыдился столь явного выражения своих чувств, где бы это ни происходило, как устыдился бы в опасный час малодушия.

– А не пойдешь ли ты ко мне в провожатые? – неожиданно спросил он.

– Ты ведь, парень, как я полагаю, все здешние болота знаешь?

Мач и гусар обменялись взглядами.

И обоим все стало ясно на много дней вперед.

Гусар понял, что всеми правдами и неправдами уведет смышленного паренька из села за собой, в Митаву, а то и дальше.

Мач же понял, что всеми правдами и неправдами увяжется вслед за гусаром, который имел странную способность привораживать людей – может быть, даже помимо собственной воли...

– Я бы пошел... – и тут Мач развел руками. – Да отпустят ли?

Сказал он это, чтобы убедиться в правах и возможностях гусара.

– Здешние помещики должны служить армии лошадьми, подводами и провожатыми, – уверенно объявил тот.

– Да уж служат!.. Мало у нас лошадей пропало с этими военными повинностями! – возмутился Мач. – Покупают в хозяйство коня, так и зная – на один год, не больше! Двухлеток в работу берут, не дают им окрепнуть. Видели вы, милостивый господин, наших коней? Иная господская собака, мне сдается, в холке выше! И людей с подводами Бог весть за сколько верст загоняют.

Гусар призадумался.

– А как же? – тихо спросил он. – Война же... Ничего уж тут не поделаешь...

И добавил озабоченно:

– Да знают ли ваши господа, что Бонапарты войска форсировали Неман? Что-то больно у вас тихо!

Мачатыню стоило великого труда скрыть радостную улыбку.

– А кто их разберет... – пожал он плечами с видом самым безразличным.

– Так, может, они тут и вовсе не знают? Так надобно их предупредить! – забеспокоился гусар. – Мало ли что? Пусть на всякий случай к отъезду приготовятся!

– К отъезду?! – тут на Мача и вовсе чуть радостный хохот не напал, да и Кача весело улыбнулась. – С чего бы господам уезжать?..

А сам уже знал – вот так и наступает свобода, господа садятся в карету и уезжают, а подневольный люд, поприветствовав освободителей, берется делить господское добро...

– Армия-то наша отступает... – и гусар опустил пронзительные синие глаза.

Так он сказал эти горькие слова, этот синеглазый гусар, как если бы усеянная мертвыми телами и брошенной амуницией дорога отступления пролегла напрямиком сквозь его живое тело...

– Наш господин барон фон Нейзильбер живет вон там, за поворотом. Поедете вдоль опушки, от опушки начнется ограда парка, потом будут службы, а уж за ними ворота парадного двора, – объяснил поспешно Мач, не дожидаясь просьбы, но каким-то внутренним ухом ее уловив.

– Жди меня здесь! – решительно велел гусар и поскакал к баронской усадьбе.

Тут только Кача опомнилась, а Мач ошалело встряхнулся.

Они обменялись озадаченным взглядом. Кабы не стук копыт за поворотом, кабы не опустевший тусок – решили бы они, что это было наваждение.

В глазах Качи все еще колыхалось загорелое лицо красавца гусара. В ушах Мача все еще звучал его голос.

– Ну вот, все получается, как надо! – радостно воскликнул Мачатынь. – До чего же вовремя приехал этот военный! Теперь я скроюсь на недельку самым невинным образом! А когда вернусь – господин барон уже уедет с семейством в Ригу, староста тоже куда-нибудь уедет, и главное – тут уже будут французы! Представляешь – уеду я подневольным, а вернусь – свободным! Ты хоть знаешь, что за люди – французы? Слушай, они отрубили голову моему королю! А потом – королеве!

– А королеве-то зачем? – вдруг возмутилась Кача. – В чем провинилась бедная женщина?

– Откуда я знаю? – Мачу совершенно не понравилась глупая жалостливость девушки. – Наверно, приказывала крестьян пороть без причины... Или люди у нее с голоду мерли... Но, наверно, поделом ей досталось. А потом французы решили – раз они сами себя освободили, нужно и все народы освободить. И к нам идет их армия, а ведет ее сам император Наполеон Бонапарт!

На сей раз Мач уже не удивился тому, как в голову попало иноземное имя, да и вся французская история с ним вместе.

– И этот император из простых людей, – добавил он. – То ли капралом был в артиллерии, то ли вовсе рядовым.

– Так не бывает! – немедленно возразила упрямая Кача. – Император – это что-то вроде царя?

– Это еще больше, – на всякий случай преувеличил Мач.

– Тут какое-то вранье. Вот увидишь.

– Никакое не вранье! – рассердился Мач. – Он даже не француз, этот император, он вообще итальянец. Но он так сражался за свободу, что его выбрали императором.

– Выбрали императором? – Кача приложила ко рту сложенные чашей руки и негромко закричала: – Разум! Ступай домой!..

Что означало – совсем ты, милый женишок, разума лишился...

– А если император из простых, то сам все наши беды прекрасно понимает, – гнул свою линию Мач, и вдруг ему на ум пришла издевательская шутка.

– Вот он на тебе и женится!

– Разве у него нет жены? – удивилась Кача.

Перед глазами Мачатыня высветились два женских профиля – один тонкий, склоненный, с убранными под роскошную повязку волосами, и другой – надменный, с выпяченной губкой...

– По-моему, нет, – слукавил парень. – Конечно, император наш уже мужчина в годах. И не красавец. Помнишь, к барышням возили учителя-француза? Ну, примерно такая же толстая рожа...

– Знаешь, хоть ты и не мужчина в годах, хоть у тебя и не толстая рожа, а если мне придется выбирать между тобой и императором, я уж как-нибудь наберусь мужества и выберу императора! – вполне свободно орудуя заграничным словом, отрубила Кача, и тем поставила шутника на место.

– А как же тогда гусар?..

Девушка смерила парня коротким взглядом. И взгляд этот был совершенно Мачу непонятен. Сквозила за гордым отпором несказанная нежность и тоска по чему-то невозможно прекрасному...

Гусар же, вызвав у крестьянской девицы такие сложные чувства, как раз тем временем въезжал во двор баронской усадьбы.

Он соскочил с коня, сам приладил поводья к коновязи и окликнул пробежавшего камердинера:

– Эй, любезный, доложи господам, что Энского полка поручик Орловский просит принять!

Гусара провели в кабинет, где господин барон приходил в себя после селедочного переполоха.

Обстановка усадьбы приятно удивила гусара. Он ждал увидеть старомодную роскошь, инкрустированные на мебели цветочки с бабочками и птичками, завитки и выкрутасы деревянной резьбы. Но господин барон под давлением госпожи баронессы недавно приобрел модную мебель. Нельзя сказать, что семейство было от нее в восторге...

Сядя на строгий и суровый стул, спинку которого составляли скрещенные на щите меч и секира, юные баронессы ощущали холодок в спине. Комплект стульев в другой гостиной был немногим лучше. Там на спинке фигурировал крылатый жезл бога Меркурия – кадуцей, и его обвивали две препротивные змеи. К ним девицы старались вовсе не прикасаться. Прочая мебель также была украшена разнообразной военной амуницией и внушала трепет. А деревянные цветочки, раковинки и бабочки были вывезены из усадьбы в неизвестном направлении.

Самое же забавное заключалось в том, что хотя сей воинственный мебельный стиль, именуемый «ампир», родился недавно во Франции, мебель господина барона была сработана русскими мастерами. И сработана отлично, не хуже английской, а может, и лучше. Поэтому господин барон без зазрения совести рекомендовал ее своим гостям как английскую...

Гусар необычайно легкой для кавалериста, совершенно беззвучной, если не считать легкого звяканья шпор, поступью прошел через анфиладу гостиных. И обрадовался – он решил, судя по обстановке, что встретит собеседника, понимающего современные веяния и просвещенного, насколько это возможно в провинции.

Просвещенный же собеседник в тот миг, когда услышал звон гусарских шпор, как раз приказывал вызвать старосту, чтобы распорядиться насчет незваного садовника, вырастившего на грядке селедочки головы, и уточнить необходимое количество розог.

– Позвольте представиться – Энского его императорского величества гусарского полка поручик Орловский! – браво шелкнул каблуками гусар и вытянулся в струнку.

– Весьма польщен! – барон, распахнув объятия, встал ему навстречу, но не сделал ни шага, руки его как-то сами собой опустились и одна из них указала на стул.

Сам барон тоже торопливо сел.

Но поручик успел увидеть, что господин барон стоял обеими ногами в тазу с водой и, усаживаясь, накрыл этот таз широкими полами дорогого халата. Селедочный переполох потребовал-таки медицинских мер.

– Я в ваших краях проездом, – начал гусар, усевшись. – Тороплюсь к своему полку.

– Не терпите ли в чем нужды? – осведомился господин барон, полагая, что это всегонавсего голодный гость к обеду.

– Благодарю покорно. Вот только хотел взять провожатого.

– Я дам вам одного из своих егерей, – господин барон потянулся за колокольчиком, чтобы распорядиться насчет егерей и заодно поторопить насчет старосты. Но поручик Орловский, хотя и не читал баронских мыслей, однако почуял угрозу своему истинному провожатому.

– Зачем же, не стоит беспокоиться, – торопливо сказал он. – я уж сговорился с местным пареньком. Из ваших же сел, и он ждет меня.

Собеседники помолчали. Господин барон смотрел на гусара с любопытством, ожидая еще какой-либо просьбы. Гусар же оглядывался по сторонам. Ничто не говорило, будто хозяин этого кабинета готовится к скорому отъезду.

– Знаете ли вы, сударь, что фронт военных действий приближается? – напрямую спросил поручик Орловский. – И боюсь, что ваша усадьба окажется как раз на пути неприятеля. Я бы на вашем месте позаботился о надежном укрытии для своего семейства.

– Ах, как же я мог позабыть о своем семействе? – вдруг заволновался барон, и гусар уж было обрадовался, что не опоздал со своим предупреждением, но тут барон вдруг расплылся в неожиданной улыбке.

– Я непременно должен вас представить супруге и дочерям!

Поручик Орловский сверкнул глазами от двери к окну – ему отчаянно захотелось очутиться сейчас верст за десять от баронской усадьбы, пусть даже это оказалось бы болото...

Не то чтобы барону так уж хотелось подсовывать своим дочкам этот воплощенный соблазн – но он знал, сколько нытья и упреков услышит, если не порадует их беседой с душой-офицером. Поэтому он даже набрался мужества, извлек из таза с горячей водой распаренные ноги и сунул их в пантуфли, которые Прицис откопал на грядке, заботливо почистил и рысцой приволок к хозяину.

Взяв гусара под руку, господин барон повел его в апаратаменты госпожи баронессы.

Женское население усадьбы встретило красавца гусара с лицами, исполненными безмятежности, что делало девицам честь – поскольку еще за секунду до его прихода торопливо завязывались ленты новых туфель, подкрашивались щеки, а на видном месте лежали раскаленные щипцы для волос.

Но стоило ему войти, стоило обвести помещение синим взглядом – и дыхание у всех девиц перехватило, лица окаменели в изумленных улыбках. Девушки бесповоротно онемели, госпожа баронесса хотела было сказать гостю нечто любезное – и не смогла.

Господин барон представил семейству поручика Орловского, очень озадаченный тем впечатлением, которое гусар произвел на его семейство. Прискорбнее всего оказался тот факт, что госпожа баронесса, начисто забыв свои более чем зрелые (с точки зрения барона) лета, с юным самозабвением ловила гусарский взгляд.

Эта ситуация удручала не только барона. Поручик Орловский изобразил на лице всю строгость, на какую был способен. И взглядов пылких он старательно избегал. Даже прозрачность нарядных платиц на него не действовала – взирал он на эти откровенные туалеты с поистине олимпийским спокойствием.

Стараниями барона разговор завязался, и гусар вновь напомнил о военной опасности. Но благой его порыв никакой практической ценности не имел. Баронское семейство спастись не собиралось.

– И от кого, позвольте, спастись? – недоумевал барон.

– Но ведь колонна под командованием маршала Макдональда!.. – даже руками всплеснул гусар. – И движется на Санкт-Петербург, имея целью предварительно захватить Ригу!..

– Маршал Макдональд всего-навсего поставлен вести корпус прусской армии, коим на деле командует генерал Граверт, – миролюбиво сообщил барон. – Мне об этом на днях племянник из Берлина писал. Помилуйте, для чего мне и семейству спастись от прусского корпуса?

Засим барон воззвал к истории.

– Деды и прадеды мои жили в этих краях, господин поручик, – благодушно растолковывал он. – И никакие войны их не задевали. И поляки, и шведы умели ценить благородное немецкое дворянство. Смею надеяться, армия корсиканца нам тоже вреда не причинит. И в радушной встрече прусского корпуса мы видим залог своей безопасности и дальнейшего спокойствия.

Гусар вскочил.

– Не хотите ли вы сказать, сударь, что Отечество и долг патриота для вас – пустой звук? – едва сдерживая негодование, спросил он.

– Курляндия не настолько давно стала русской провинцией, чтобы дворяне научились считать Россию Отечеством, – отрубил барон, уже начиная сердиться.

– Однако ж курляндское дворянство само просило государыню Екатерину о присоединении, – парировал гусар. – Тому уж более пятнадцати лет, пора и привыкнуть!

Барон пожал плечами, как бы показывая – мало ли к кому и когда присоединилась Курляндия, а я от прусского корпуса удирать не собираюсь.

Тем разговор и завершился.

Соблюдая правила приличия, собеседники раскланялись.

Во дворе гусару подвели его серого коня.

– Ну, брат Аржан, – сказал ему гусар, потрепав по холке, – теперь галопом в Митаву!

И, не касаясь стремени, вскочил в седло.

Вслед ему в окна плескались кружевные платочки, но он не знал этого, так как ускакал, не оборачиваясь.

Тем временем Мачатынь развивал перед Качей перспективы золотого века, обещанного человечеству графом де Сен-Симоном, и уже не удивлялся тому, что с языка запросто слетело это нездешнее имя. Век этот должен был наступить в окрестностях баронской усадьбы и в Курляндии непосредственно после прихода французов.

– Вот увидишь! – убеждал он. – Прежде всего отменят барщину! В Закюмуйже люди уже сговаривались больше на господские работы не выходить и батраков никуда не посылать. Ты еще увидишь, как господина барона погонят из усадьбы!..

Тут подъехал поручик Орловский. По его нахмуренному лицу Мач догадался, что разговор с господином бароном вышел неприятный.

– Собирайся, едем! – велел гусар. – Лошадь-то у тебя найдется? Хороши ваши помещики!

– Сейчас сбегая за конем! – так и сорвался с места Мач. Но сразу же вернулся к Каче. Она вновь впала в восторг при виде гусара и, хотя парень оттянул ее в сторону и усердно шептал на ухо, понимала, кажется, через три слова четвертое.

– Слушай, – внушал ей Мачатынь, – ты ближе к обеду забеги к моей матери и объясни ей, что по приказу господина барона я еду провожатым, что вернусь через неделю, пусть так и скажет старосте – что по приказу господина барона! Да ты же не слушаешь!.. И что с лошадьёю ничего не случится...

– Разве ты не забежишь домой за гнедым? – Кача никак не могла уловить смысла просьбы.

– Конечно, зайду. Только мне почему-то кажется, что я матери не увижу... то есть, она меня не увидит...

Поняв эту тонкость, Кача кивнула, не отрывая глаз от красавца гусара, и Мачатынь бегом понесся к родному дому – сильно, впрочем, сомневаясь, что девушка, невзирая на всю свою мудрость, на сей раз ничего не перепутает.

Поручик Орловский неторопливо поехал следом.

Прокравшись мимо летней кухни, где шумно хозяйничала мать, Мачатынь прошмыгнул на конюшню. Там из всех гнедых оставался один – его любимец. Парень угостил его хлебной коркой и оседлал деревянным, даже не обтянутым кожей седлом. Вместо потника он подложил

все старые одеяла и покрывала-сагши, которыми укрывали лошадей. Потом незаметно сбегал за водой и напоил коня.

Тихо-тихо вывел Мачатынь гнедого кустами к дыре в хворостяной ограде. День был ясный, небо – синее, душа звенела радостью от того, что близятся шумные и веселые дела, близятся перемены и удачи, и душа ликовала от того, что мчится им навстречу.

Из смородины вышел пес Кранцис. Подняв левое ухо, он недоуменно посмотрел на молодого хозяина, поразмыслил и пошел с ним рядом у левой ноги.

О правую же потерял, сказав довольно громко «Мурр-няу!», вывернувшийся прямо из-под конских копыт Инцис.

– Ступайте домой! – приказал им парень. – Вы что, тоже добывать свободу собрались? Домой! Я кому говорю?

Сказал – и удивился. Ни о какой добыче свободы он в то утро и не помышлял – просто возникла необходимость спрятаться на несколько дней. Но раз он, Мач, столько времени будет вдали от дома и от родительского присмотра, то не удастся ли сделать что-то этакое ради наступления свободы?

О том, насколько это совместимо с его новой должностью провожатого, он как-то не задумался.

Инцис обиделся и отошел. Кранцис заскулил.

– Тише ты! – испугался Мач. – Вы же оба не маленькие, должны понимать – в наше время с котом и собакой на войну не ездят. Сказки кончились, так что оставайтесь дома...

И сам пожалел, что нельзя взять с собой хвостатых приятелей. В сказке-то герою полагалась еще и мудрая змея... Мачатынь знал, где можно поймать подходящего ужа, но времени на такое баловство не оставалось – его, провожатого, ждал поблизости поручик Орловский.

Мачатынь вскочил в неуклюжее седло и пустил коня рысью.

Пока все складывалось удачно – от розысков он скрылся и объяснения с домашними избежал. А впереди было путешествие в далекие края – в Митаву!

– Хорош! – встретил его гусар. – Седельце у тебя – лейб-гвардии впору! Спину-то коню не собьешь этими дровами?

– Бывает, и сбиваем.

– Полагаю, по дороге ты себе седло раздобудешь. По военному времени это просто – снимешь с убитой лошади, – обнадежил гусар. – Ну, поехали...

Вдруг он, насторожился, поднял голову и словно проводил взглядом прошедший поверху и сгинувший за лесом странный гул.

– Это что еще такое?

– Похоже на перелетное озеро, – подумав, сказал Мач.

– Перелетное – что?!.

– Озеро. Ну, бывает, что озеро решило на новое место переселиться. Снимется, полетит и плюхнется.

– А на прежнем месте что же?

– Трясина остается.

Потрясенный гусар несколько помолчал. Мач говорил об этом феномене со скучной физиономией, как о деле привычном и поднадоевшем.

Когда высокий Аржан и маленький гнедой пошли крупной рысью, гусар, покрутив носом и фыркнув наподобие коня, выбросил из головы перелетное озеро и спросил весело:

– Тебя как звать-то, наездник?

– Матис, милостивый господин, – доложил парень, но по глазам гусара понял, что это имя ему не больно понравилось. – Можно – Мач. Мачатынь...

– Мачатынь? Постараюсь заучить, – обещал гусар.

– А как мне вас называть, милостивый господин?

Гусар улыбнулся своей молниеносной улыбкой.
– Зачем же господин, да еще милостивый? Ты так своего барина величай. А меня попросу – Сергей Петрович...

Глава шестая, об отце-одиночке

Не успели всадники проехать и четверти версты, дорогу перебежал заяц.

– Плохая примета, – остановил гнедого Мач. – Добра на этом пути не жди. Придется сделать круг...

– И надолго нас задержит твой заяц? – любопытствовал Сергей Петрович, против самой приметы не возражая.

– Пустяки, – успокоил Мач. – Сейчас мы Лесного Янку проведем – повернем назад, объедем рощицу, потом мимо молочной мызы – и опять выедем на ту же дорогу. И зайцу уважение окажем, и времени почти не потеряем.

– Ловко ты ладишь с приметами! – рассмеялся гусар.

– А что же делать? Кабы дрожать не умел – совсем бы замерз, – цыганской шуточкой ответил Мач.

Но Лесной Янка все-таки препорядочно задержал их – и вот каким образом.

Проезжая мимо молочной мызы, наездники увидели у изгороди большую толпу. Состояла она исключительно из женщин – а, значит, и шуму производила куда больше, чем митавская рыночная площадь в базарный день.

Мач прислушался.

– Что это у них за столпотворение вавилонское? – удивился Сергей Петрович.

– Кажется, овечьего вора поймали...

Поскольку иначе проехать было невозможно, гусар и Мач оказались довольно близко от разъяренной толпы и увидели с высоты своих коней, что женщины держат вчетвером, заломив ему руки за спину, молодого цыгана. Остальные же, пихая его на все лады, грозили поркой и прочими карами. Чуть подальше на траве лежали пустой мешок и зарезанная овца, рядом с ними плакала навзрыд, сидя на корточках, девочка-пастушка, а над ней нависла молодая крепкая женщина – мать или тетка – и что-то ей сурово втолковывала.

Женщин возмущала не столько сама покража (чем же еще цыгану пропитание добывать?), сколько то, что совершил ее цыган среди бела дня в трех шагах от баронской молочной мызы.

– Покажем ему, как лиса борону тащит! – звенели и буравили уши пронзительные голоса. – Да чтоб его Бог в маленькое окошко увидел, в большое – выбросил!

– Эй, крестная Эде, чья это овца? – окликнул Мач одну из пожилых хозяек.

На его голос женщины обернулись и увидели красавца гусара.

Вся ругань оборвалась на полуслове.

Цыган в недоумении поднял голову.

И поручик Орловский с Мачем увидели юное, смуглое и гордое лицо овечьего воришки.

Цыган был молод, глазаст и тонок до невероятности в своем старом коричневом кафтане на голое тело, туго схваченном в поясе трепаной веревкой. Были на нем также фантастического цвета штаны, заправленные в неопишумую обувь, лет пять назад бывшую, пожалуй, господскими сапогами.

– А ну-ка... – и с этими загадочными словами гусар направил Аржана в толпу. – Отпустите-ка его, голубушки, никуда он от вас не убежит.

Завороженные синим взором и уверенным голосом Сергея Петровича, женщины выпустили заломленные руки цыгана, крепким подзатыльником заставив его поклониться заезшему спасителю. Но цыган стремительно выпрямился.

– Как звать-то тебя, бедолага? – добродушно осведомился гусар.

– Ешкой... – и цыган уставился на него с великим подозрением.

– Это же тот самый, что на прошлой неделе спер овцу у Свикю Симаниса! – объяснила тем временем Мачу крестная. – Только тогда не поймали. Как только господин барон позволяет им через свои земли проезжать! И слоняется вокруг без дела, никакой работы не знает, одна забота – как бы украсть!

– Будут они работать, когда на топорнице листья распустятся! – встряла другая женщина, ровесница крестной, с двумя подойниками в руках, и мотнула головой, чтобы хоть так поправить сбившуюся на лоб головную повязку с длинными вышитыми концами.

Ешка молча сверкнул на них огромными глазами.

– А цыган – как барон! – вдруг нахально заявил он. – Оба чужим потом заработанный хлеб едят.

– Господин барон чужих овец не ворует! – возмутилась какая-то старуха, видно, из зажиточных, если судить по четырем покрывалам-сагшам с богатой вышивкой, накинутым на ее плечи даже в жаркий полдень.

– Барону и цыгану сам Бог велел воровать! – отрубил цыган. – Ему – ваши денежки и здоровье, а мне всего-навсего ваших ягнят.

– Ничего себе ягненок! – загалдели женщины. – Врет так, что уши дымятся! Летошняя овца, еще ягнят не приносила!..

– Уж если ловить воров, то и начинали бы с господина барона! – гнул свою линию Ешка.

Женщины перепугались до полусмерти. Они подозревали, кто из них немедленно расскажет старостиной жене про бунтарские речи, да еще добавит из головы, с каким удовольствием работницы баронской мызы эти речи слушали. Над косматой головой бунтаря вознеслись кулаки.

Гусар и Мач переглянулись.

Задиристый оборванец понравился им так же мгновенно, как они сами друг другу по душе пришлись.

Сергей Петрович достал кошелек, заглянул в него, что-то сосчитал в уме и решил.

– Голубушки, красавицы! – воззвал он к женщинам. Те мгновенно утихли и выпрямились, а цыган, сбившийся в клубок у их ног, выглянул из-под локтя, прикрывавшего голову.

Тут гусар еще и улыбнулся впридачу, поскольку эмпирическим путем уже давно уразумел власть своей белозубой улыбки над нежным полом.

– Чья овца-то? – выразительно подбросив кошелек, спросил он.

– Моя овца, моя! – поспешила к нему хозяйка, таща за руку зарезанную дочку. – И что за хорошая овца была, в год четыре фунта шерсти давала!

Мачатынь разинул рот – эту молодую овцу недавно впервые стригли, и комплиментов таких она никак не заслужила. Сообразил это и Сергей Петрович.

– Давай-ка уладим по-хорошему, – предложил он. – Я тебе плачу за овечье смертоубийство, останки покойницы остаются тебе же, а ты отпусти-ка сего злодея на все четыре стороны!

Гусар указал кошельком на цыгана.

Женщины зашептались. Овцу все равно было не воскресить, от порки цыгана на баронской конюшне ни у кого денег не прибавится, а офицер, ничего в овцах не понимая, конечно же, не покупится...

Выпущен цыган был не раньше, чем Мач, взяв из рук Сергея Петровича монеты, вернул ему то, что считал заведомо лишним, и вжал остальные в ладонь хозяйки покойной овцы.

– А ты куда собрался, парень? – спросила крестная, собираясь вслед за другими покинуть место происшествия.

– По распоряжению господина барона еду провожатым! – похвастался парень, хотя никакого распоряжения, конечно же, не было. А гусар, все понимая, значительно кивнул.

Женщины ушли на мызу. Хозяйка овцы, с трудом взвалив ее на плечи, наконец-то ухватила дочку за ухо и стала ее учить уму-разуму. Не землянику собирать надо, когда овец пасешь,

а смотреть, не мельтешит ли в кустах цыганская рожа, – вот к чему сводился ум-разум. Девчонка клялась и божилась, что в жизнь свою больше не попробует земляники...

Наконец остались у изгороди трое – гусар, Мач и Ешка.

Ешка вел себя, мягко говоря, странно. Хотя внезапное спасение должно было преисполнить его радостью, лицо цыгана, столь дерзкое в словесной схватке с женщинами, помрачнело. И, не сказав ни слова благодарности, он подобрал свой пустой мешок и побрел в сторону леса.

Сергей Петрович и Мач опять переглянулись.

– Гордый, как цыган, – заметил Мачатынь. – Ишь, идет – носом тучи раздвигает!

– Гордый, – согласился гусар. – По глазам вижу, что со вчерашнего дня не ел, а чести не уронит! Вот что дорого.

Они пустили коней шагом вслед за цыганом.

– Сергей Петрович, вы ж сами просили не мешкать, – осторожно напомнил Мач.

– Твоя правда...

Сергей Петрович решительно послал вперед Аржана и нагнал Ешку.

– Постой, похититель! На вот... держи...

И протянул цыгану горсть – Мач не разобрал, чего, но скорее меди, чем серебра.

Ешка повернулся к всадникам и встал, как-то диковинно скрестив руки за спиной. Он склонил голову набок, весьма критически посмотрел на гусара, а потом вздернул подбородок и зашагал к лесу.

– Да стой ты, лихорадка вавилонская! – возмутился Сергей Петрович.

– Не разумеешь, что ли? Деньги тебе дают!

Он опять догнал цыгана.

Ешка опять повернулся, взглянул на гусара глубокомысленно, потом скосил глаза на подбегавшего Мача и вернулся взором к гусару.

Тот наклонился с седла, а деньги лежали на его протянутой ладони – как раз на уровне цыганского носа.

Тут Ешка совершил странный маневр. Руку он как бы протянул к Сергеевой руке, а сам в то же время чуточку отступил назад.

Сергей Петрович и Мач замерли, как околдованные, наблюдая за странной цыганской повадкой.

Ешка еще чуток отступил, еще длиннее вытянул руку и вдруг быстрым хватким движением смел с гусарской ладони деньги.

Но благодарности от него не дождались.

Мгновенно сунув добычу в карман своих поразительно дырявых штанов, цыган словно преобразился – и плечи расправились, и смущение, владевшее им последнюю минуту, пропало.

– Спасибо бы сказал! – сердито посоветовал ему Мач.

Но цыган не изменил себе.

– Кто ж знал, что по дорогам нынче цыганские благодетели разъезжают! – с прежней гордостью сказал он. А затем решительно повернулся и зашагал прочь.

– Ты посмотри, как выступает! – вдруг воскликнул Сергей Петрович, следя за удалявшимся цыганом. – Почтище французского танцмейстера!

И впрямь, удивительная походка была у Ешки – как если бы он открывал большой бал в Версале.

Мача больше занимал вопрос практический.

– Хотел бы я знать, где этот плясун на самом деле поселился, – буркнул он. – Хорошо бы поблизости от нашего двора... Попросить, что ли?

– Странного тебе захотелось соседа.

– Вы, Сергей Петрович, их обычая не знаете. Там, где живут, они не воруют, – успокоил гусара Мач.

– А ведь нетрудно узнать, где у него бивак! – сообразил гусар. – Поехали-ка следом!
– Сами ж велели не мешкать! – удивился Мач.

Гусар вздохнул.

– Большой беды не будет, коли на полчаса и задержусь, – сказал он уныло. – Знал бы ты, до чего мне в тот полк ехать неохота...

Вслед за Ешкой всадники добрались до леса и чуток проехали лесной дорогой. Потом цыган свернул на тропку, а гусар остановил коня.

– Нет, далее я за этим танцмейстером не поеду, – решил он. – В здешних корягах да колдобинах Аржан, неровен час, бабку зашибет, а я ему долгого отдыха предоставить не смогу. И такого коня я здесь уж не достану. Поворачиваем, времени и впрямь в обрез...

– Не забрался же он, как медведь, в самую чащу! Наверно, в трех шагах отсюда и спрятал свою кибитку, ее ведь тоже по колдобинам возить несподручно, – догадался Мач.

И, как подтверждение его словам, из-за зарослей иван-чая на самой опушке вдруг раздались дружное и звонкое многоголосое:

– Тя-тя!!!

От этого гусар и Мач даже растерялись.

Первым Мач послал гнедого напрапом через кусты. За ним без всякого посыла направился и Аржан.

Увидели всадники такую картину.

Ешка стоял посреди поляны, его облепили не то семь, не то восемь цыганят, теребили его, ласкались к нему, что-то ему показывали. Он же, подхватив на руки двоих, верно, самых младших, счастливо улыбался. И хотя привязана была к кибитке-развалюхе та самая кобыла, на которой ездил еще добрый герцог Екаб Курляндский, хотя сушилось над костерком безнадёжное тряпье, а котелка что-то не наблюдалось, великое счастье ощутили Сергей Петрович и Мач на этой поляне.

И загрузил вдруг бравый гусар, отвернувшись со вздохом и свесив свой роскошный, подернутый серебром чуб.

И заулыбался Мач, еще помнивший, как с прыжка бросаться отцу на шею...

Цыганята заметили незнакомцев и испуганно примолкли. Ешка сердито глянул на них.

– Принимай гостей! – вдруг стряхнув с себя печаль, бодро воскликнул гусар и соскочил с коня. – Отведаем цыганского гостеприимства!

– Рингла! – позвал Ешка. – Не найдется ли в цыганском хозяйстве чего повкуснее прошлогодней корки?

Из кибитки выглянула девочка лет тринадцати – как та, что пасла, да не упасла злосчастную овцу. Но это была уже не мамина дочка. Она хотела что-то ответить Ешке, но увидела гусара...

Огромные ее черные глаза вспыхнули. Румянец хлынул на смуглые и, увы, не слишком чисто отмытые щеки. Произошло в этот миг чудо, понятное на этой поляне, может быть, только Мачатыню – ведь и он совсем недавно сообразил, что девочка, вместе с которой он пас овец и свиней, выросла, и на ней можно жениться...

А чудо заключалось в том, что не было больше в кибитке чумазой девчонки, на которой, видимо, лежала вся забота о многочисленных братцах, а была юная девушка, озаренная внезапным и острым чувством... похоже, именно первой любовью...

А Сергей Петрович, вовсе ее не заметив, шел к Ешке и цыганятам, улыбаясь, и дети несмело улыбнулись ему в ответ.

Мач тоже соскочил с гнедого и привязал обоих коней к кривой березовой ветке.

– Твои наследники? – спросил гусар цыгана.

– Шестеро – мои, двое – брата, только которые двое – теперь уже не разобрать, – усмехнулся Ешка. – Их для этого всех умывать пришлось бы... А Рингла – приданое.

– Какое приданое? – изумился гусар.
– Негоже брать жену без приданого, – пояснил цыган. – Вот я и взял свою с Ринглой.
– А жена-то где?
– А бес ее знает! – со всей возможной беззаботностью отвечал Ешка. – Как-то утром просыпаемся, а ее нет. Ушла с другим табором.
– А твой-то табор где?
– А бес его знает... Отбилась я от своих.
– Шестеро, говоришь? Сколько ж лет ты женился? – не унимался с расспросами Сергей Петрович.

– Да шестнадцати, наверно... Кто ж цыганские годы считать будет? Захотелось жениться – значит, пора.

– И то верно. Что ж, потрудились ты на славу, – заметил Сергей Петрович, запустив обе руки в жесткие волосы двоих мальчишек-шестилеток, или около того...

– Кто рано встал, тот много сделал, – с большим достоинством отвечал Ешка, молниеносно удержав подзатыльником одно из своих чад от вторжения в Сергееву ташку.

В синих глазах гусара сверкнули развеселые искры, он попытался было совладать с собой, но не сумел – расхохотался так заливисто, что и цыганята, на него глядя, тоже засмеялись.

Мач некоторое время слушал неумный смех, соображая, к чему же он относится, поскольку к пословице, употребленной цыганом столь кстати, привык сызмала и, как на всякое воспитательное средство, уже не обращал на нее внимания.

Наконец он-таки сообразил...

И очень его расстроило то, что он, уже взрослый парень, до сих пор не умеет принять на равных участие в мужском разговоре.

Мач решил немедленно реабилитироваться в глазах гусара и Ешки.

– Хотел бы я взглянуть на твою жену, – сказал он, а у самого серые глаза уже прищурились, как если бы затевал он новую каверзу, на манер селедочной.

– Чего на нее смотреть... – пожал плечами невозмутимый Ешка. – Была жена, как все цыганские жены. Днем у нее и черт будет ангелом по струнке ходить, а ночью она черт знает чего натворит...

На сей раз Сергей ограничился быстрой улыбкой.

– Замечательное у тебя семейство, – сказал он цыгану. – Жаль, гадалки не нашлось. Поскольку военные действия начались, не худо бы про судьбу свою разведать...

– Как это – без гадалки? У меня девчонка так гадает – все расскажет, что было, что будет, что за пазухой прячешь, на чем сердце успокоится! – вдруг затрещал Ешка, расхваливая товар. – Эй, Рингла! А ну-ка, беги сюда живо, погадай господину! Если цыганке положить грош в левую руку, да два гроша в правую, да еще дать ей платок, и в один угол завязать монетку, все равно какую, а в другой угол – две монетки, но лучше серебряные, а в третий – три, а уж в четвертый лучше всего золотую, и дать цыганке, чтобы она зарыла это ночью на перекрестке...

– То все богатые невесты мои будут! – подхватил Сергей Петрович. – Ну, где же твоя красавица?

Девочка, издали смотревшая на гусара, нерешительно подошла. Должно быть, впервые в жизни застеснялась она своей продранной домотканой юбки, и низко вырезанной, еще материнской кофты, в которую дважды могла завернуться, и босых грязных ног.

Гусар протянул ладонью вверх левую руку, и девочка взяла ее в обе свои бережно, как драгоценную чашу. И застыла очарованная прикосновением.

– Ну, рассказывай скорее, какие ты там чудеса разглядела! – строго велел Ешка.

– Говори, не бойся! – ободрил цыганочку Сергей Петрович. – Сколько войн пережить мне? Когда стану генералом? Или нет – когда наконец получу эскадрон?

Рингла вгляделась в ладонь.

– После этой войны, милостивый господин, других у тебя не будет, – прошептала она. – А погибнешь ты все же в бою... на белом снегу... И виновата в этом будет женщина. Но не твоя суженая...

– А эскадрон как же? – забеспокоился гусар.

Рингла поглядела на него с недоумением.

– Скажи – будет господин большим военным начальником или не будет, – объяснил Ешка.

– Большим – не будет...

– Теперь – про суженую! – Ешка видел, что обычно бойкая девчонка словно язык проглотила, и помогал изо всех сил.

– Ждет? – спросил гусар, с любопытством заглядывая в черные глаза цыганочки своими синими-синими.

– Ждет... – тут девочка горестно вздохнула.

– Что же, не жениюсь я на ней? – правильно понял этот вздох Сергей Петрович.

– Женишься ты... – тут милое личико Ринглы не на шутку омрачилось. Видимо, в линиях на ладони увидела она что-то неладное. Но от ясного и ласкового взгляда красавца гусара девочка вдруг осмелела. Острым ноготком она внезапно царапнула широкую ладонь, пометила какую-то из линий, вывела на ней знак и трижды без слюны туда плюнула.

– Ты чего это? Чего дурака валяешь? – напустился на нее Ешка. И ловко ухватил приемную дочку за ухо. Рингла ойкнула, но гусарской руки не выпустила.

– Да будет вам, – сказал, смеясь, Сергей Петрович. – Никакого мне вреда не будет! Ты же не во вред мне ворожила красавица?

– Нет... – прошептала Рингла.

– А что же ты затеяла?

Ответа он не дождался.

– Мало ли что она затеяла... – буркнул Ешка. – Иди, хозяйством занимайся! Рано тебе еще гадать! А жаль – способная она к этому делу... (тут цыган, отпустив девчоночье ухо, уже изготовился держать речь перед гусаром и Мачем). Мать у нее была – ну, мастерица! Кажется, и десяти слов господину не скажет – а уже полная горсть денег! И сколько же она кур с гадания приносила! И варезки порой получит, и холста... И полную корзинку хлеба принесет! Только она ведь по-умному гадала, судьбу наоборот не разворачивала... А эта!..

– Что она такое сделала? – спросил Мач.

Ешка сердито глянул на Ринглу, вовсе не желавшую уходить. Очевидно, уж очень он был недоволен девочкой, раз выдал ее сокровенную тайну.

– Задумала, чтобы господин офицер на ней женился... И была бы она офицерша цыганская! Гадай, гадай, да милостивого господина не смеси!

Рингла кинулась бежать прочь.

Но Сергей Петрович вовсе даже не рассмеялся, а смутился.

– Да есть у меня уже невеста, – сказал он. – Наташенькой зовут...

– Красивая барышня? – с уверенностью в ответе, спросил Ешка.

– Красавица, умница! Мадам Жанлис и господина Флориана по-французски читает, да так бойко! – похвастался гусар. – Коса у ней – Господи, что за коса, русая, золотистая, до подколенок, под модный чепчик не помещается!

– И ведь молоденькая? – с большим интересом допытывался цыган.

– Семнадцать лет Наташеньке. Вот кончится война – Бог даст, вернусь к ней, повенчаемся...

И опять из синевы гусарских глаз вынырнула и скрылась уже известная Мачу невыразимая тоска.

– И приданое, должно быть, есть, Сергей Петрович? – будучи человеком, при всех своих каверзах, практически, спросил Мач.

– Приданое знатное. Потому родители и разборчивы. Сватался я весной – отказали. Оно конечно – род древний, предки при царе Алексее Михайловиче в Думе сидели, им кавалергарда подавай... Разве же спесь позволит отдать единственную доченьку за армейца?! А Наташенька меня, меня полюбила! – вдруг звонко выкрикнул гусар. – Слово мы друг другу дали. Обещалась ждать и родителей уговорить.

– Все будет ладно, Сергей Петрович, – тут Мачатынь некстати вспомнил свою чересчур мудрую невесту. – Прибудете в полк, получите этот... как его...

– Я же не к себе в полк возвращаюсь, – со вздохом объяснил гусар.

– А-а, долго объяснять. Наташина маменька всю родню на ноги подняла, добилась-таки моего перевода. А перевод в другой полк для офицера...

Гусар помотал бедовой головой, из чего Мачу и цыгану стало ясно: перевод в другой полк для офицера – дело неприятное, а то и вовсе скандальное.

– Но напрасно все это, – решительно заявил гусар. – И Наташенька своему слову хозяйка. И я не ветрогон какой-нибудь, не мальчик уж. Постараюсь соблюсти верность!

– Трудновато придется, – справедливо заметил Ешка. – Вот бы милостивому господину получить этот, ну!..

И Ешка, и Мач имели в виду эскадрон, который значил так много для гусара. Очевидно, командиру эскадрона полагалось в жизни куда больше радости, чем просто поручику.

– Так что пора мне в новый мой полк спешить, – сурово сказал Сергей. – Теперь, когда военные действия начались, я многого смогу добиться. Может, все и к лучшему... Так что прощаться будем. Ты, цыган, впредь того – поосторожнее... Больше тебе на проезжей дороге никакой Дон-Кишот Ламанчский не встретится.

– Донкишот... Донкишот... – попробовал Ешка на разные лады незнакомое слово. – Что за славное имя! Был бы еще один сын – назвал бы его Донкишотом...

Сергей Петрович опять заразительно расхохотался, не удержался и Мач, хотя не совсем понял, что так насмешило гусара.

– Прощай! – вскочив на коня, сказал гусар цыгану. – Время военное – детишек береги. И барышню свою – неровен час...

– Прощай, Ешка! К моим в хлев и на огород не очень-то заглядывай, братцы мои за гнилую репу удавиться рады, – с этими словами Мачатынь тоже вскочил в деревянное седло, хотя и не смог смаху усестись там, как влитой, на гусарский лад, еще порядком поерзал.

Тут стремительно вылетела из-за кибитки Рингла и, подбежав, поправила перекрутившийся повод Аржана.

Ей нужен был всего лишь прощальный взгляд!..

– И ты прощай, голубушка! Вырастай красавицей! – ласково усмехнулся гусар. – Ну-ка, пусти...

Наездники обернулись, помахали цыганятам и дали коням шенкелей.

От цыгана они, зная его гордый нрав, никаких прощальных реверансов не ждали.

– Счастливый путь! – крикнул вдруг Ешка. – Храни вас ваш Бог, помогай вам ваши святые, как вы цыгану помогли!

Было это настолько неожиданно, что Мачатынь ушам своим не поверил.

Но умница Аржан уже ломился сквозь высокий, ему по холку, иван-чай на лесную дорогу, а Сергей Петрович, полностью ему доверяясь, сидел в седле вполоборота, оттягивая миг, когда цыганское семейство скроется из виду.

Гнедой последовал за Аржаном.

– Ну, теперь – без остановок! – предложил гусар.

– Будь он неладен, этот Лесной Янка... – вспомнил Мач зайца. – Столько времени потеряли... И хоть бы этот Ешка куском хлеба угостил...

Мач был откровенно голоден. Утром, вылавливая селедок из горшка и обезглавливая их, он перекусил на лету. Потом Кача угостила странной квашей. А когда будут полдник и ужин, он и понятия не имел. Скорее всего, что и вовсе их не будет...

– Ему самому есть нечего было, – заметил гусар. – Не беда! Наверстаем!

И легонечко подбоднул Аржана шпорами.

Глава седьмая, о прекрасных баррикадах

– 24 февраля 1812 года Пруссия заключила союзный трактат с Наполеоном. Она обязалась выставить вспомогательный корпус в 20 тысяч человек, который должен был постоянно пополняться в случае убыли и всегда быть равным своей первоначальной численности, – прочитала я на странице четыреста тридцать третьей книги Е.В.Тарле «1812 год». – Пруссия также брала на себя обязательство предоставлять французским военным властям овес, сено, спиртные напитки и т. п. в определенных огромных количествах. За это прусский король выпросил у Наполеона обещание пожаловать Пруссии что-нибудь из отвоеванных русских земель.

Я долго вспоминала, как звали этого шустрого прусского короля, но все же вспомнила сама – Фридрих-Вильгельм третий. Так что же он там выклянчил?

– ...король потребовал от французского правительства в случае успешного исхода кампании уступки Курляндии, Лифляндии и Эстляндии... – обнаружилось на той же странице чуточку ниже.

Я задумалась – мог ли об этом знать барон фон Нейзильбер, благодушно ожидая в своем поместье прусских женихов для дочек?

Вполне мог, сукин сын!

И очень все это для него было выгодно. Ведь при победе Наполеона Бонапарта все государственные имения, которых в Курляндии было немало, перейдут в руки тех сообразительных господ, которые заблаговременно предпримут для этого шаги. Как-то: проявят свою лояльность к Пруссии...

– Еще один пакт Молотова-Риббентропа! – вслух сказала я. Кто только не делил, не уступал друг другу, не продавал и не покупал эти невеликие земли вдоль восточного берега Балтики...

Тут дверь кабинета распахнулась и ворвалась Милка. Ее меховая шапка и воротник были в снегу. Она встряхнулась – снег полетел на книжные страницы. На воротнике сверкнула золотистая восьмиконечная звездочка – аусеклис.

– Ты видела?! – завопила она. – Через Вантовый мост не проехать! Весь город – в баррикадах! Представляешь?!

Я закрыла книгу. Милка все воспринимала чересчур буйно. Я тоже ехала утром на работу, тоже застряла посреди Даугавы, на Вантовом мосту, перегороженном самой неожиданной техникой, сельскохозяйственной и строительной. И тоже, подъезжая, сильно беспокоилась – развеается ли над Рижским замком флаг свободной Латвии – красно-бело-красный.

Флаг на башне Святого духа, естественно, развевался.

А ведь накануне вечером, когда народ расходился с митинга, лица были ох какие понурые. Стало ясно – если Латвия все еще будет настаивать на своей свободе и независимости, в республику введут советские танки. Которые с красными звездами...

Каким образом за ночь собрали всю эту технику, привезли из сельских районов людей, выставили посты, перегородили улицы – уму непостижимо. Но уже к началу рабочего дня Рига действительно была – вся в баррикадах. Их охраняли великолепные, плечистые, суровые мужчины, на лицах которых ясно было написано: враги попадут сюда только через наши трупы.

Было у меня подозрение, что Милкин восторг объясняется главным образом количеством плечистых мужчин. По этой части она промаха не давала...

– Ты разденься, – сказала я. – Дух переведи. Вот как раз кофе поспел.

– А ты еще не освободилась? – возмущенно спросила Милка.

– Я-то освободилась...

Я встала, сунула книгу в сумку и достала из шкафа две чашки. Пакет с пирожками уже с утра лежал на рабочем столе возле компьютера.

– Уму непостижимо, как в такую погоду можно торчать на баррикадах! – воскликнула Милка. – Ты как знаешь, а я им термос с горячим кофе понесу.

Она схватила наш редакционный термос, стоявший обычно в углу за столом, засыпала туда чуть ли не всю банку растворяшки и сколько получилось сахара из сахарницы. Я вздохнула – этот бы темперамент да в мирных целях... И отняла у нее банку с сахарницей. В это время суток мне полагался кофе – и гори все синим пламенем, а я его выпью.

– Погоди, я в городе еще пирожков докуплю, – предложила я, спасая из пакета две штуки, потому что Милка всерьез собралась штурмовать баррикады и их защитников. – Если в кафешке остались. Только хотела бы я знать, куда этот сукин сын подевался... Когда не надо, так он при мне – как хвост при заднице!

Милка сунула пакет в свою необъятную сумку и посмотрела на часы.

– Половина пятого, – сообщила она.

– Ага...

Час назад я сказала ей по телефону, что жду нашего фотокора Гунара ровно в четыре. Исходя из этого мы планировали остаток дня.

– Может, он где-то языком зацепился? – вдруг сообразила я. – Ты же знаешь, эти возвышенные мужчины... Пойду посмотрю.

И вышла из кабинета.

Возвышенный мужчина перепугал меня до полусмерти. Завернув за угол, я увидела совершенно детективную фигуру.

Это был человек, выглядевший так, будто не он сам прислонился к стене, а его прислонили. Он опирался лопатками и затылком. Черная шляпа с довольно широкими полями, шикарная богемная шляпа, сползла ему на физиономию. Длинное пальто давало силуэт в стиле черно-белого шпионского кино. Похожая на сундук черная сумка с фотопринадлечениями стояла у ног.

И человек этот спал.

Я подошла поближе – и унюхала коньяк.

– Так!.. – грозно сказала я. – Хорош! Это тебе четыре ровно?

Но он все равно не проснулся.

Вести его в таком виде на баррикады я не могла – разве что нести. Плакал наш совместный фоторепортаж синим пламенем. Но и оставлять эту кариатиду в коридоре я тоже не имела морального права. Все-таки, солидные люди в редакцию заглядывают, крутить носами будут.

Я подняла его левую руку, поднырнула и накинула ее себе на шею. Вид был – санитарка выводит раненого бойца с поля брани. Причем раненого в обе ноги. По моей щеке царапнул красно-бело-красный маленький аусеклис.

Как я заволокла Гунара в кабинет – лучше спрашивать Милку. Она это со стороны видела и кипятком мимо чашек налила, а мне, честное слово, было не до смеха.

Будучи уложен в кресло и лишен шляпы, Гунар проснулся.

– А, это ты... – он улыбнулся и провозгласил: – Сын! Сын!!!

Тут все стало ясно. Его жена Лига после двух дочек наконец-то его порадовала мальчиком. Отсюда и коньяк.

– Сын!.. – повторил безумно довольный Гунар.

– Поздравляю, – но удержать вздох мне не удалось.

Дело в том, что на задних страницах моего журналистского блокнота, среди черновиков стихов, было и такое четверостишие:

*Тебе – чудеса и вершины,
а мне – без кольца и венца
растить синеглазого сына,*

повадкой и статью в отца...

Сына, понятное дело, еще никакого не было – иначе я не отводила бы душу на а-ля-историческом романе про любовь, свободу и прочие прекрасные вещи. Но молодость все еще была при мне, более того – я не опускала рук, сражаясь за свою любовь. И уже год сидела на своей маленькой баррикаде...

– Что будем делать? – спросила Милка.

– Дураков учить надо, – уже почти без злости ответила я. – Ничего страшного. Там же теперь телевизионщиков и фотокоров больше, чем защитников баррикад. Встречу кого-нибудь знакомого и договорюсь насчет пары-тройки снимков. А он пусть потом на планерке выкручивается как умеет. Я свою часть задания вовремя сдам!

Потом мы поспорили – запирать ли спящего Гунара в кабинете, что обеспечит ему некоторую безопасность от высоконравственных коллег, или оставить дверь просто прикрытой, что даст ему при нужде доступ к ватерклозету. И тот, и другой вариант были гуманны, мы только не могли решить, какие проблемы для Гунара хуже: с мочевым пузырем или с яростными коллегами.

Мы предпочли пожертвовать мочевым пузырем. Потому что собрать материал для репортажа и вернуться можно за полчаса. Авось не помрет...

Правда, пришлось сделать круг – в кафешке кончились-таки пирожки, а Милка непременно хотела прийти на Домскую площадь во всеоружии – с термосом и пакетом. Ну ладно, потащились мы с этим чудовищным термосом за три версты искать пирожки – и вполне могли бы попасть в Старую Ригу по мостику возле Пороховой башни, так нет же. Милка сквозь зимний парк увидела какую-то интересную суету возле Совета министров. Мы подошли посмотреть.

Естественно, как и всюду, где хоть что-то охраняли, горели костры. Совмин окружал забор из грузовиков, а по их бортам тянулся гигантский транспарант со словами: «Русские, под флагом России встаньте рядом, тут решается и ваша судьба!» Развелись два флага – наш и российский триколор, бело-сине-красный.

– Как здорово! – сказала Милка. – Ну, теперь империи – кранты!

Тут-то я и увидела этих бабуль.

Две бабки тащили алюминиевый бак с горячими пирожками. Подтащили к костру, собрали вокруг бака людей – и, когда мужики стали разбирать угощение, отошли в сторонку, как бы любуясь на сыночков и внучков.

Я слишком долго на них таращилась в умилении – и увидела, как они переглянулись. Сверкнули ослепительно белые зубы – и в сморщенных личиках прорезалась некая внезапная хищность. Но сомкнулись бесцветные от старости губы – и стало ясно, что слабое зрение опять подвело меня.

Под деревом сидела еще одна старушка – приметная, очень высокая, с суровым, даже грубым лицом. И держала плакатик со словами: «Боже, благослови Латвию и наше правительство!»

Плакатик был типографской работы.

На груди у старушки был самодельный аусеклис, с блюдце величиной. И после этого старушки стали мне мерещиться решительно везде – особенно на Домской площади, где мы отыскивали знакомых и снабдили их наконец своими пирожками. Причем и сами угостились кофе, стоя у костра в полной эйфории.

Там же я задала первым встречным несколько вопросов о необходимости государственной независимости для Латвии, о том, все ли народы – в едином строю против империи, и кое-как накарябала десять строк в блокноте. Вопрос о фотографиях тоже решился моментально – завтра в десять утра я уже могла забрать их на вахте в Доме печати.

Странное было ощущение – как будто взрослые люди затеяли игру. И музыка звучала, и на баррикаде певцы с микрофонами стояли, и хоровод вокруг костра молодежь водила, а уж съестного было видимо-невидимо. Я бы назвала событие пикником наоборот – обычно горожане выезжают на природу с пирожками летом, а тут сельчане приехали в Ригу зимой. Но я не позволила себе шутить над святыми вещами.

Ведь здесь собрались проливать кровь за свободу.

– Гляди! – беззвучно потребовала Милка.

У костра сидел настоящий великан, блондин чистейшей пробы, такого оттенка ни одна импортная краска не даст. Это был викинг, это был Ричард Львиное Сердце в старой синей куртке и пестро-клетчатом шарфе. И с неизменным символом свободной Латвии – аусеклисом.

Милка с термосом устремилась к костру.

– Садись, куда Бог велел, ешь, чего рука достала! – пошутил, принимая от нее стаканчик с кофе, великан. Я распахнула перед ним пакет, там на дне еще были пирожки, но он с улыбкой отказался. Зато не отказался темноволосый бородатый парень, его приятель.

– Вот стаканчик мы бы опрокинули, – сказал он. – Стаканчик бы сейчас хорошо пошел.

– Принести? – немедленно спросила Милка.

– Нельзя. Сухой закон! – с гордостью заявил светловолосый викинг. И действительно – слоняясь по Домской площади, мы не заметили ни одной водочной бутылки.

Между моим боком и локтем проскользнула рука и нырнула на дно пакета. Я резко повернулась – и увидела еще одного шутника. Даже не одного, а с подружкой.

– Славка! – воскликнула я. – Хорош людей пугать!

Он откусил половину трофейного пирожка. Вторую отдал подружке.

Им было по шестнадцати, для них баррикады стали откровенным праздником. Я могла держать пари – они увезлись сюда еще утром, с физики или химии. Уж насчет Славки – так точно! Парень уже года три как возомнил себя артистом. А познакомились мы в школьном активе Рижского тюза, где я одно время чуть не поселилась.

И до чего же прехорошенькая парочка смеялась сейчас сквозь недожеванный пирожок! Темноволосый, кудрявый, глазастый Славка и светло-русая сероглазая девчонка, оба почти одного роста, причем немалого, одинаково румяные и белозубые, хуже того – одинаково курносые. И у обоих волосы безалаберно падали на лоб до самых глаз.

Девчонку я тоже знала. Ее звали Кристина, Славка приводил ее на какое-то наше театральное сборище, и она с премилым акцентом читала сонет Шекспира на русском языке. Подумать только, еще год назад я ставила с этими оболтусами Шекспира...

На баррикаде у дверей Радиокomiteта появились люди с аппаратурой. Они затевали концерт – и оба прогульщика, не прощаясь, ринулись туда – занимать места в первом ряду.

Латыши называли свою борьбу за свободу «песенная революция». И уж чего-чего, а песен было выше крыши.

В бок мне уперлись две крупные собачьи лапы, отчего я чуть не облила куртку горячим кофе. Хорошо, что пес был на поводке. Он скреб по мне лапами, норовя достать повыше, и возбужденно лаял.

– Фу, Таро! – весело закричала необъятная хозяйка. – Что ты делаешь, бесстыжая собака?

Я сразу узнала обоих – библиотекаршу Марию Николаевну и ее рыженького коккер-спаниэля.

– Вот, дожили! – воскликнула давняя моя знакомица. – Кто бы мог подумать? Вот и на нашей улице праздник! Девочки, это же настоящее национально-освободительное движение! Как в Латинской Америке!

Милая Марья Николаевна снабжала меня диссидентской литературой в самые что ни на есть ка-ге-бешные предперестроечные годочки. Это была на редкость активная и жизнерадост-

ная пожилая дама. Похоронив мужа-отставника, которому почему-то так и не родила детей, она бурно увлеклась общественной работой – и стала библиотечной звездой городского масштаба. Интервью она давала чуть ли не каждый месяц.

– Как подумаешь, сколько они пережили! – продолжала Мария Николаевна, обводя рукой пейзаж с кострами и баррикадами. – Ничего теперь с нами со всеми не сделают! Ты знаешь, мне за нас, за русских сегодня стыдно стало. Женщина, еще не старая, лет шестидесяти, смотрит на плакат – и трех слов по-латышски прочитать не может. У людей спрашивает – что там написано? Представляешь, как они должны на нас смотреть, если мы тут по сорок лет живем, а их языка не выучили?

Я с большим трудом угомонила Таро.

– Хороший пес, умный пес! – сказала я ему. – Ничего удивительного, что они называют всех приезжих мигрантами и колонистами.

– Страшно даже подумать, до чего мы перед ними виноваты! – воскликнула безобиднейшая и добрейшая диссидентка-библиотекарша. – Ничего, теперь все будет иначе. Язык выучить несложно. Вот отцепимся от империи – и будем жить дружно. Главное – от империи отцепиться!

На ее пальто поблескивала восьмиконечная звездочка... Кто-то, похоже, неплохо сейчас зарабатывал на аусеклисах.

– А куда ж мы теперь денемся! – отвечала Милка. – Они увидят, что мы готовы сопротивляться, и пальцем нас не тронут!

Все это было изумительно – вокруг вовсю шла борьба за свободу и независимую Латвию. Насилу мы опомнились. И поспешили прочь, скользя и поддерживая друг друга.

– Ни хрена себе! – прервав очередной монолог, громко воскликнула Милка.

– Убью мерзавца... – печально ответила я, имея в виду, естественно, Гунара.

Пропадал потрясающий кадр.

Прямо по брусчатке шел невысокий светловолосый парень. И шел довольно бодро – если учесть, что на плечах он нес кособокий бетонный куб чуть ли не в кубометр. Более крупные мужчины жались к стенке, а он шел себе и шел, и в глазах было такое потрясающее упрямство, что я даже позавидовала.

Парень строил баррикаду.

И я его знала, этого парня! Я его видела. Я его голос слышала. Насмешливый такой голос.

Дороги перед собой он не видел, лишь брусчатку, – и вся надежда была на другого парня, что сопровождал его.

Тот тоже имел груз – старое кокле с оббитыми углами, расписанное знаками Ужа, Юмиса, древа Мары и прочими, которые недавно как бы вынырнули из глубины веков и вошли в моду, особенно аусеклис – восьмиугольная звездочка. С ней вышел некоторый конфуз – сперва ее сгоряча обозвали утренней звездой, звездой зари, а заря, естественно, была символом свободы. Потом сообразили, что имеется в виду планета Венера. И как-то внезапно позабыли об астрономическом аспекте.

Парень был вида необычного. Его длинные светлые волосы, расчесанные на прямой пробор, свисали вдоль худого лица и удерживались тканой тесемочкой, на которой по желтому фону шли черные знаки Ужа. Нос у парня был длинный, с горбинкой, подбородок – угловатый и выдающийся, а росту в нем хватило бы на двух таких коротышек, как тот, что тащил бетонный куб.

И смотрел он в небо.

И твердил он недавно вошедшие в моду слова:

– Мы – народ предателей!.. Мы сами себя предали!.. Мы должны искупить свою вину!..

А его товарищ с кубом на плечах видел лишь присыпанную снегом брусчатку.

Я ведь и второго парня знала, только уже не понять – откуда. Вроде бы в последний раз, когда мы встречались, у него и стрижечка была аккуратненькая, и костюмчик темненький, и значок на лацкане... в райкоме комсомола, что ли?..

Милка все поняла.

– Обидно, – сказала она. – Обидно, досадно, да ладно!

– Сыночки! – услышали мы за спиной. – Деточки! Стойте за свое маленькое государство!.. За свою отцовскую земельку!.. За свой народик!..

Я и не подозревала, что латыши, даже с их склонностью к уменьшительным словечкам, додумаются до таких вариантов.

А сказала это очередная бабка. Она с подозрительной нежностью смотрела на парней, она чуть улыбнулась – и я поняла, что пора уходить отсюда! Опять померещился хищный оскал.

– Слушай, – почему-то обернувшись по сторонам, прошептала Милка. – Ты, это... если Эрик будет звонить, скажи, что я с тобой по городу ходила, а потом на массаж пошла, а?

– До сколько массаж? – сообразив, уточнила я.

– До восьми, – четко отвечала Милка.

Из одной этой цифры я уже могла сделать немало выводов.

Милка смолodu выскочила замуж за толкового латышского парня Эрика. Еврейка и латыш – такие дуэты в Риге попадались нередко. Эрик был хорошим и заботливым мужем, но вот вечно ее тянуло на приключения. До восьми – это значит, роман с кем-то из сослуживцев на раздрыганном диване в рабочем кабинете. В половине восьмого приходит уборщица, которая по совместительству работает еще в пяти конторах.

Она даже особой конспирации не соблюдала. Эрик возглавлял конструкторское бюро, был электронщиком милостью Божьей и ничего другого не знал, не понимал и видеть не желал.

Еще вчера Милка тыкала мне в нос газету. Там черным по белому было пропечатано, как самостоятельная Латвия пойдет по пути прогресса и завоюет весь мир своей дешевой и качественной продукцией. Упор, правда, делался на мясо и масло, но и молоком мы, оказывается, собирались залить весь шар земной.

Милка была уверена, что Эрика ждет великое будущее. И что он будет приносить домой хорошие деньги, не задавая при этом жене никаких лишних вопросов.

Собственно, то, что Милка вернется домой только в восемь, меня вполне устраивало. Значит, я вполне могу спокойно посидеть на кухне с Эриком, к которому имею несколько вопросов по электричеству.

И я действительно забежала к нему, и попила с ним чая, и задала эти самые вопросы, но ответ получила совершенно неутешительный. Эрик оказался специалистом уж слишком узкого профиля. Правда, он сказал, в каких журналах мне стоит покопаться, вынул с антресолей стопку, но одни их названия вселяли священный ужас.

Я со школьной скамьи ненавидела физику. Взять в руки издание, битком набитое формулами, для меня холере подобно. А пришлось.

Вот почему вечером я пришла домой в хмуром и сварливом расположении духа.

Ингус ждал меня, лежа в своем блюде.

– Что-то случилось? – с тревогой спросил он.

– Да нет, ничего...

И я посмотрела на него примерно с такой же тревогой.

Окаянный путис совершенно не сэкономил плазму. Я могла держать пари – он стал за последние дни меньше в диаметре сантиметра на два по крайней мере. Где-то его носило – и он совершенно не думал, что очень скоро просверкнет золотой искрой и исчезнет.

– Как там на баррикадах? – осведомился он.

– Баррикады как баррикады, – отвечала я. И почему-то вспомнила жуткий плакат с физиономией Горбачева. Художник и не заботился о сходстве – достаточно было большого

родимого пятна на лысине. К физиономии прилагался текст: «Это не я! Моя левая рука не знает, что правая творит». Руки тоже имелись – с пальцев левой свисали ярлычки на веревочках «КПСС», «КГБ», «ИФ», на пальцах правой болтались черные марионетки-омоновцы.

Эрик основательно испортил мне настроение.

– Ты будешь сегодня работать? – спросил Ингус.

– Вот над этим, – я с отвращением вытащила из сумки журнал. Эрик выдал мне его под два честных слова – как будто я в здравом уме и твердой памяти могла такое присвоить!

Собственно, я и не надеялась, что так сразу раскрою секрет энергетической подпитки плазменных путисов. Нужно было найти людей и институты, которые такими вещами занимаются. А для этого придется просмотреть кучу омерзительных научных статей.

Глядеть спокойно, как этот гулена теряет объем и насыщенность свечения, я просто не могла.

Ингус завис над моей головой и одновременно со мной одолел первую страницу статьи. Понял примерно столько же, сколько и я.

– Напрасная трата времени, – заметил он. – Конечно, я благодарен тебе, даже очень благодарен... Но все это безнадежно.

– Выплюну на тебя ведро воды – тогда и будет безнадежно! – буркнула я.

Примерно полчаса он молча наблюдал, как я осиливаю текст.

А потом исчез. Просочился на улицу сквозь оконное стекло, даже не попрощавшись.

Времени было – десять вечера. Я взяла трубку, накрутила номер – но не соединяло, хоть тресни. Может, и не стоило туда звонить...

Тот, без кого я тосковала, отыскался полчаса спустя.

– Как ты? – спросила я, даже не пытаюсь скрыть волнение.

– Нормально, – ответил он. – Но они меня достали...

Речь шла о семье, с которой он расставался не самым мирным образом.

– Ты был сегодня на Домской площади? – мне вовсе не хотелось слушать про тестя с тещей, а про жену – и тем паче.

– Чего я там забыл?

Я даже фыркнула от возмущения.

– Ты принимаешь всю эту возню всерьез? Ты думаешь, что вот посидят все рижские народы дружно на баррикадочках, а потом настанет общее светлое будущее? – язвительно спросил он. – Не будь ребенком...

– А почему бы и нет? – я, естественно, полезла в атаку. – В двадцатые и тридцатые годы Рига была европейским городом, у всех были свои газеты, свои театры – у русских, поляков, евреев, немцев... Значит, это здесь реально!

– Ты просто не представляешь, что в них проснулось, – сказал он, и хотя уверенно говорить мог только о своей семье, ощущение было, что он имел в виду целый народ. – Они спятели. Сегодня они зовут на баррикады всех, кто подвернется под руку, а завтра скажут, что Рига и Латвия – только для латышей.

– Это твоя теща, что ли?

– Начнет, как ты понимаешь, именно моя теща. Но она уже сбила с толку жену и дочку. Дочка не хочет говорить со мной по-русски. Ты можешь себе это представить?

Я хотела напомнить, что все равно ведь он расстается с этой женой и с этой дочкой. Но не стала – скандальчик мне сейчас был ни к чему. Поэтому я оставила в покое прекрасные баррикады и сумасшедшую тещу. Да и давно пора было перевести разговор на мои с ним сложные отношения...

Он звонил из автомата. Поэтому беседа не получилась долгой. Назначив свидание, мы расстались.

Свидание – это было замечательно, и все же наши отношения казались сейчас так непрочны, так ненадежны!.. А ведь еще днем я до того верила в них!..

Что-то сегодня на Домской площади все же было не так.

Я прижалась лбом к прохладному стеклу. Там, за окном была зимняя ночь. И я осталась наедине с этой бескрайней ночью. И было мне скверно...

Внизу лежало на снегу светлое пятно. Светлое, даже розоватое круглое пятно... откуда?..

Я накинула куртку и вышла в лоджию. Перегнулась, взгляделась. Все стало ясно – внизу, упрятавшись под узкий подоконник на первом этаже, висел Ингус.

Увидев, что я его выследила, путис неторопливо выплыл на середину двора. Поднялся до уровня моего этажа. И смотрел на меня издали, а я смотрела на него, не различая лица, смешных усишек, лохматых бровей над острыми и внимательными глазами. Собственно, это не было лицом – человеческие черты складывались из мохнатых язычков пламени, когда путис, довольно длинный огненный змей, свивался в клубок. Но ведь складывалась же всякий раз одна и та же физиономия!

– Ну и что ты там делаешь? – спросила я. – Подслушиваешь?

Он не ответил. Он только глядел, и лицо его, смешная огненная мордочка, было переменчиво и неуловимо.

– Ну и виси себе, пока тебя соседи не приняли за шаровую молнию и не подняли переполох! А я вот попью чаю и попытаюсь понять хоть одну статью, – сообщила я ему. – И не буду сочинять никаких романов про гусарские страсти, пока не разберусь с твоим энергоснабжением!

Шар метнулся к окну и прилип к стеклу, глаза в глаза. Нас разделяли несколько сантиметров воздуха между толстыми оконными стеклами. Но жар проник, я ощутила его лбом, носом и губами. Потом Ингус стремительно унесся во мрак.

Больше всего на свете это было похоже на поцелуй...

Глава восьмая, о неприятностях

Как ни крути, а по милости Лесного Янки поручик Орловский и Мачатынь потеряли не меньше часа. В военное же время час много значит.

Где бы ни проезжали всадники, присутствия русской армии они уже не обнаруживали. И хотя вывел Мач гусара на митавскую дорогу самыми короткими лесными тропами, хотя кони шли резво, а в придорожной корчме нашлись и овес для них, и два ломтя окорока для их хозяев, они опоздали...

– Неладно что-то в городе, – сказал Сергей Петрович, издали глядя на Митаву. – Ну-ка, брат, пришпорим...

И понесся на своем высоком скакуне, о котором Мач уже знал, что это донская порода. Развевались по ветру золотистые кутасы Сергеева кивера, неслась на длинных двух шнурах ташка с царским вензелем, всплескивал голубым крылом ментик за левым плечом гусара, и в иное время немало горожанок ахнуло бы, увидев статного наездника. Вот только султанчика из перьев на кивере доставало – султанчик ехал для сбережения в особом мешочке.

Но город был пуст, жители попрятались. Сергей Петрович и Мач галопом проскакали сквозь всю Митаву и выехали к реке, на берегу которой стоял герцогский дворец.

Мач вздохнул – от людей слышал он о прекрасном дворцовом убранстве, и захотелось парню хоть одним глазком посмотреть на все это великолепие.

Вздохнул и Сергей Петрович: он не видел ни карет, ни всадников, ни караулов у ворот – ну, ни единой живой души.

Всадники переглянулись – оба не могли взять в толк, что происходит в городе.

Вдруг гусар приподнялся в стременах. Острыми своими синими глазами он разглядел за рекой хвост какого-то обоза. Наездники кинулись догонять его.

Станный это был обоз. Низкорослые крестьянские лошадки тащили телеги и фуры, груженные туго набитыми мешками. Кое-где поверх мешков лежал, задрав профиль к небу, беломраморный (не может быть, чтобы гипсовый) бюст императора Александра. Как правило, бюсты эти оберегали сидевшие на мешках же какие-то растерянные господа во фраках, совершенно чиновничьего вида. У иных на плечи были накинuty мрачные длинные рединготы, явно подбитые ватой. Имелось в обозе и несколько женщин – верно, чиновничьих супруг и дочек. Они тоже сидели на мешках, кутаясь в шали, понуриw головки в капорах с широчеными полями, придерживая узлы со своим дамским имуществом.

Телеги сопровождали кавалеристы и пехотинцы, числом явно недостаточным для серьезного дела, буде по пути на обоз налетит враг.

– Эй, послушай, братец! – обратился гусар к рослому гренадеру в невероятно грязных белых штанах, что с рукой на перевязи понуро шагал при последней повозке. – Что это вы везете? И почему город словно вымер?

– Бумажки везем! – сердито и без всякого почтения отвечал гренадер. – Велено было из всех канцелярий имущество вывезти. Со стыда сгореть можно – вместо доброй схватки уложения и регламенты конвоирую!

– Так это что же выходит? Все присутствия уж покинули Митаву? – ушам своим не поверил гусар.

– Ишь, расселись, дармоеды... – гренадер покосился на чиновников.

– Крапивное семя, чернильные души...

– А что же армия?

– Армия?!?

Гренадер яростно вытаращился на Сергея Петровича, вздохнул и махнул здоровой рукой.

– Без боя?.. – ошалело спросил гусар, и загорелая его рука сама собой потянулась к эфесу.

– Разве ж не слышали, ваше благородие? Был бой-то! Под этой...

– Ну? Был? И что же?.. – подстегнул гусар запямятовавшего нерусское слово гренадера.

Тот ничего не ответил, а просто взялся здоровой рукой за борт телеги и пошел и ней рядом, глядя в колею.

Гусар все понял.

– Куда же отступили? – спросил он.

– Сперва, говорят, на островок – Долей зовут. И на эту... дай Бог памяти... здешний житель говорил... вот слово-то лягушачье!.. Во – Кваква!

– Нет у нас никакой Кваквы, – ответил Мач на горестно-недоуменный взгляд гусара.

– Тогда – Квеква, – твердо сказал гренадер.

– Кекава, – понял наконец Мач. – Кокенгузен. Это, Сергей Петрович, далековато будет.

Это уже чуть ли не возле Риги.

В Риге Мач ни разу не бывал, и она представлялась ему своего рода пределом населенных человечеством земель, где сходятся все дороги. Рига была очень далеко. Разумеется, он знал, что есть на свете Германия, Франция и Иерусалим, про который часто объяснял прихожанам пастор. Но как-то не воспринимал их всерьез. Вот Рига – другое дело, потому что туда ездит господин барон с семейством, и потом кучерам неделю хватает чего рассказывать.

– Не пришлось бы и Ригу отдать... – проворчал гренадер.

– Ходко идет Бонапартий! – со злостью воскликнул Сергей Петрович.

– Ишь, разлетелся! Да неужто не остановим?

– Кто быстро хватается, тот пальцы обжигает, – вдруг сказал Мач пословицу, но собственная находчивость его изумила. Уж больно жаль ему стало гусара – и не мог он отказать тому в слове ободрения. А ведь радоваться бы следовало быстроте продвижения несущих свободу французов!

Сергей Петрович хотел было ответить парню благодарной улыбкой, да получилось как-то не так. И блеснули из-под усов ровные зубы – да не со знакомым Мачу добродушием, хищным оскалом они блеснули. А синие глаза, которых гусар не в силах был оторвать от холки Аржана, наливались странным светлым блеском – то ли слезы в них встали, то ли две отчаянные искры нарождались.

– Экая нелепость! – скрывая под сердитым тоном свое расстройство, заявил гусар. – И как же это я от своих отбился? Не слышал ли ты, братец, где теперь Энский гусарский полк?

– Как не слышать! Ему-то досталось в арьергард! – с легкой завистью отвечал гренадер. – Хоть с врагом переведается.

– Ну, спасибо тебе, братец. Счастливым путем...

Но путь уж никак не был счастливым, и оба служивых прекрасно это понимали.

– Когда последняя телега скрылась за поворотом, гусар вдруг, нет сходя с коня, наклонился и коротко, сильно обнял Мача.

– Вот тут мы и расстанемся. Дальше тебе со мной ехать небезопасно.

– Как же вы?.. – даже растерялся Мач.

– Ты – домой, а я – в полк. Тут уж провожатый более не нужен.

Мач призадумался.

Конечно, следовало сейчас намекнуть гусару, что и провожатому кое-что причитается. Раз у него нашлись деньги для овечьего вора, то услуги Мача тоже будут оплачены... И нестись домой, где умные братья уже радуются прекрасным переменам и свободе!

Домой-то домой, сказал себе Мач, а что, если свобода еще не дошла до баронских крестьян? И, примчавшись, он первым делом окажется перед грозным старостой? Только что Мач видел, как часовое промедление повлияло на гусарский путь. Не вышло бы так, что свобода заявится на баронскую конюшню аккурат после порки ее главного провозвестника Мача...

Видно, не зря уродился парень в семье третьим сыном. Кроме прочих своих странностей, он еще и не мог сейчас бросить синеглазого гусара на произвол судьбы. Так что, видно, их совместное путешествие все же продолжалось.

Быстренько подумал Мач, пообещал себе, что это уж будет его последнее мальчишеское дурачество (вслед за свободой настанет осень, и можно будет посвататься к Каче как полагаются), и решился.

– Сергей Петрович! – попросил он. – Не гоните меня раньше времени, от меня еще будет польза. Вот найдем ваш полк, тогда я и поеду домой. А его еще найти нужно.

Больше ничего не сказал Мач, только смотрел в глаза гусару.

Сергей Петрович медленно снял руки с его плеч и призадумался.

– А ты, гляжу, товарищ надежный! – вдруг весело воскликнул он. – Ты мне нравишься, ей-Богу! Ну, раз так, то поехали!

И вдруг скомандовал полнозвучно и протяжно:

– По трое в ряд – за-ез-жа-ай!

Мач улыбнулся. Их было-то всего двое. Но гусар так приосанился в седле, что стало ясно – он командовал воображаемому эскадрону.

Заезжай – так заезжай. Всадники, не сговариваясь, послали коней вперед...

И опять им пришлось помянуть зайца недобрым словом. Энский гусарский полк как сквозь землю провалился.

Во всяком случае, на подступах к Митаве его не было. Укрывшись на холмике за кустами, Сергей Петрович и Мач наблюдали, как в город входит в полном походном порядке прусский корпус.

И это было для парня неприятным сюрпризом – как он ни тарашился, а не видел впереди колонн прекрасного триколора – французского знамени, несущего свободу. Как выглядит триколор – он уже тоже откуда-то знал.

– Гляди, и артиллерия, и обозы, чин чином идут... – говорил между тем Сергей Петрович. – Экой змеей растянулись! Не менее пятнадцати тысяч народу, и что же из сего следует? А?

Мач, естественно, не знал.

– Армия господина Бонапарта припасов с собой не возит, – объяснил гусар. – А кормить-то такую прорву надо? Значит, ждите фуражиров!

– Кого? – за этот день Мач столько незнакомых слов услышал и непонятным образом вспомнил, что несколько от них ошалел.

– Ну, как бы тебе объяснить... Вот в нашей армии есть обоз, есть полковые кухни. А у них, скажем так, кухни есть, а в котел-то положить и нечего. Выходит, посылают дюжину солдат с капралом или еще кем-то из младших чинов, с оружием, с мешками, с телегой. Идут они недалеко – до ближней деревни. Найдут помещика – хорошо, не найдут – и так возьмут съестного, сколько им надо. Круп там для каши, поросят, кур, понимаешь? – доходчиво втолковывал гусар. – А коли деревенька маленькая, могут и все подчистую вывезти, тем армия господина Бонапарта славится... Гляди, как бы до твоих не добрались!

– Ну, они, наверно, помещичьих имений трогать не станут, – нерешительно сказал Мач, – они, наверно, по государственным имениям пойдут... У нас тут государственных много.

– Больно они разбирают... – буркнул гусар.

– Не беда, – решил парень. – Попросят – дадим. Они же нас освободить пришли...

Сказал – и испугался. Вовсе незачем было гусару знать, что на самом деле крестьяне ждут его врага Бонапарта с великими надеждами. Но Сергей Петрович, видно, не понял, что Мач имел в виду.

– От хлеба они вас освободят, – хмуро сказал он. – И от скотины. А если задержатся подольше – то и от лошадей.

– Французы? – ушам своим не поверил Мач.

– Может, и французы. Но, скорее всего, пруссаки. Ну, глянем-ка, где у нас солнышко... Ага! Ну что же, к Риге нам пока все равно дороги нет. Чего доброго напоремся на прусских фланкеров, они же один Бог знает какими путями колонны сопровождают... Стало быть, будем мы пробиваться... на восток! В направлении Двинска.

Но и в Двинск они тоже не попали.

Навстречу им по лесной дороге принесся стук копыт.

– Один человек скачет, – сказал Мач. – Сумасшедший какой-то – по лесной дороге и галопом. На хорошем коне.

– Точно определил, – заметил Сергей Петрович. – А кто, по-твоему, может в одиночку нестись лесом в военное время?

– Мач пожал плечами.

– Курьер! – торжествующе провозгласил гусар. – Только любопытно, чей. Ну-ка...

Он снабдил парня одним из своих пистолетов, и оба забрались в орешник – стали в засаду.

Расчет гусара был прост – если это русский, то выведет к своим, а если враг – то хоть, вдохновленный пистолетными дулами, изложит боевую обстановку...

Расчет Мача был несколько туманнее. Если прискачет русский курьер – пусть гусар разбирается с ним, как знает. Если француз – то, видимо, нужно будет освобождать от гусара этого освободителя... А если пруссак – и вовсе неизвестно, как быть. Наезжали в имение к господину барону его прусские родственники, охотились, поля потоптали, и потому Мач к ним никакой нежности не питал.

– Не наш... – шепнул гусар Мачу, едва заметив всадника в незнакомом мундире, и резко приказал: – Навпереймы!..

Неприятель налетел на Мачатыня, которого Сергей Петрович буквально выпихнул из кустов. Гнедой вскинулся на дыбки, загородил дорогу.

Впервые в жизни Мач испытал настоящий страх – всадник ловко выхватил пистолет, и длинный этот пистолет вмиг составил продолжение руки всадника, и дуло почти уперлось в грудь парня.

Казалось бы, еще мгновение осталось до смертельного выстрела – хотя всадник и видел, что перед ним всего-навсего перепуганный крестьянский мальчишка на низкорослом коньке, рука готова была сделать свое привычное дело, тем более – приказ начальства обязывал его, всадника, прокладывать себе дорогу любыми средствами.

Но тут снизу по этой смертоносной руке что-то ударило, кавалерийский пистолет взлетел вверх, и тут же крепкая рука гусара, поднырнув, захватила противника за шею. Аржан вприпрыжку к коню неприятельского курьера сделал два шага – и Сергей Петрович очень даже ловко и аккуратно вытащил ошалевшего всадника из седла.

– А ты чего зеваешь, лихорадка вавилонская?! – крикнул он Мачу. – Возьми на прицел!

Деревянное седло не позволяло парню так ловко управляться с конем, как это проделывал гусар. Опять же, Аржан привык слушаться гусарских колен, да и в делах такого рода не раз побывал. Но Мач сладил-таки со своим гнедым и утавил в грудь спешенному курьеру увесистый тульский пистолет. Держать эту штуковину ему пришлось двумя руками – черная железяка была непривычна и сама норовила ткнуться дулом в землю.

– Мы, сударь, вам вреда не причиним, – начал Сергей Петрович, к большой зависти Мача, поигрывая таким же тяжелым пистолетом вполне уверенно. – Вы, судя по мундиру, никак не француз, а кто же?

– Баварец, – отвечал пленный, решив, что фасон и цвет его мундира все равно военной тайны не представляют.

Был он чуть повыше ростом поручика Орловского, но таскал на себе фунтов сорок лишнего веса, что, впрочем, к нему даже шло. Румяная и круглая его физиономия прямо лучилась здоровьем.

– Оказывается, у вашего корсиканца и баварцы имеются. Не войско, а вавилонское столпотворение! – обратился задиристо гусар к Мачу. – Французы, испанцы, итальянцы, поляки, пруссаки... кто еще?.. Бонапартова корсиканская родня? Не хватает этому господинчику лишь китайцев и эфиопов. Мач, ты хоть видел когда живого эфиопа?

Мачатынь молчал, занятый лишь пистолетом. Он боялся двух вещей: нечаянно выстрелить без надобности или же в миг, когда выстрел действительно потребуется, не совладать с пистолетом.

– А теперь, сударь, – уже серьезно обратился гусар к пленному, – говорите прямо, кто вы и куда посланы.

– Этого я вам, сударь, не скажу, – беззаботно отвечал баварец.

– Ну так я и сам догадаюсь, сударь, что вы едете с донесением в Митаву. Не так ли?

– И этого я сказать не могу.

– Значит, с донесением... – задумчиво промолвил Сергей Петрович. – Что же мне с вами, сударь мой, делать? Придется взять с собой в Двинск.

Тут баварец высокомерно рассмеялся, глядя на гусара даже с некоторым сожалением.

– В Двинск? Ну, это меня вполне устраивает, – сказал он. – Если вы, сударь, изволите обождать, пока я выполню поручение, с радостью составлю вам компанию.

– Неужто и Двинск взят? – воскликнул гусар.

И восклицанием этим оплошно себя выдал.

Пленный сразу же сообразил, что имеет дело не с разведкой какой-то регулярной русской части, а с человеком, отставшим от своих и пробирающимся к ним наугад. Понял он также, насколько пылкий гусар не осведомлен в военной обстановке.

– Нет еще, – небрежно бросил баварец. – Но для маршала Удино это несложная задача. Вы ведь, сударь, осведомлены, что правобережные укрепления Двинска даже не достроены до конца. К тому же, ожидается та колонна нашего корпуса, что идет через Либаву.

С одной стороны, ни слова лжи не было в этом сообщении. Действительно, укрепления не были достроены, а колонна войск и впрямь ожидалась. Хитрый баварец лишь не счел нужным добавить, что после неудачной попытки взять предмостные укрепления маршал Удино не стал связываться с совершенно никому не нужным в этой войне Двинском, а немедленно увел свои полки вверх по Двине, к Полоцку. Так что, с другой стороны, сведения баварца были совершенно лживы.

Видя, что гусар озадачен, пленный перешел в наступление.

– Еще три дня – и вся Курляндия будет занята маршалом Макдональдом, – ласково сообщил он. – А теперь, сударь, коли вы разумный человек, можете последовать за мной в Митаву. Генерал Граверт военнопленных не обижает, тем более, вы, сударь, офицер.

И добавил ехидно:

– Ведь в одиночку вы воевать все равно не сможете.

Мач недоуменно уставился на гусара. Тот, потупив ясный взор, по всей видимости, обдумывал всерьез предложение баварца о сдаче в плен.

У парня даже рот приоткрылся.

С одной стороны, это решение сразу бы все упростило. Они втроем поехали бы обратно в Митаву – и не пришлось бы больше ломать голову, кто из них несет долгожданную свободу, а кто встал на пути к ней.

А с другой стороны – Мач и помыслить не мог, чтобы отчаянный гусар так просто принял предложение, даже по разумению деревенского парнишки, не знающего тонкостей военной чести, оскорбительное.

Вдруг Сергей Петрович резко вскинул свою бедовую голову, потряхнул чубом – и не успело улечься обратно на лоб взволновавшееся серебро, как баварец был ловко разоружен. Мач и не сообразил, как это гусару удалось выдернуть саблю из портупей баварца и одновременно лишить его оставшегося пистолета.

Тот же от гусарской внезапной дерзости лишился дара речи.

– Шутить изволили, сударь! – звенящим голосом отрезал Сергей и, не глядя, кинул саблю пленника Мачу. – Или же впервые русского офицера вблизи видите. Так запомните же, сударь, что пока русский офицер жив, он помышляет не о почетной сдаче в плен, а о победе! Вот помрет – тогда другое дело...

По-военному четко поклонившись пленнику, гусар вскочил на Аржана.

– Управляй счастьем, – подняв вверх указательный перст левой руки, поучительно сказал он на прощание. – Как учил Александр Васильич, один миг доставляет победу!

Мач поймал внезапно брошенную саблю лишь потому, что она ударилась ему прямо в грудь, чуть не выбив из рук пистолета. Он удержал клинок от падения локтями – и сидел на коне скрюченной загогулиной, пока Сергей Петрович, оценив положение, но удержавшись от комментариев, молниеносно не цапнул пистолет за дуло и не отнял это опасное оружие. Тогда Мач, не имея портупей, просто взял саблю подмышку, и они рысью покинули баварца, ошалело глядевшего им вслед.

Тот же, опомнившись, покачал головой и негромко рассмеялся – возмущенный его предложением гусар напрочь позабыл отнять у него пакет с донесением... Сабель же в прусском корпусе, судя по этому добродушному смеху, было более чем достаточно.

– Так что же будем делать, Сергей Петрович? – спросил парень гусара, когда они отъехали достаточно далеко.

– Право, братец, не знаю, – задумчиво отвечал тот. – Однако ж господин в баварском мундире прав – в одиночку воевать нельзя. Попробую все же пробиться к своим.

– А кто этот, который вас учил? Про счастье? – поинтересовался Мач, потому что слова ему понравились, такими словами можно было удивить даже знающую множество присказок Качу.

– Александр Васильич? Ну, он не только меня – он всю русскую армию учил ум-разуму! – усмехнулся гусар. – Граф Александр Васильич Суворов... Ты, чай, и не слыхивал сего славного имени... Теперь будешь знать. И маршала Макдональда Суворов бивал! Думаешь, почему Бонапарт его на Москву не послал?

Гусар уставился на Мача – но тому, понятно, ответить было нечего.

– Он знает – Макдональд против русских слаб! – торжественно сам себе ответил гусар. – Все знают, как поляки и французишки из его корпуса удирали в Италию от наших донцов! Тому уж лет двенадцать, пожалуй, будет... Или все четырнадцать?..

Мач с недоверием выслушал гусара. Если Германия и Франция для него были как-то мало-реальны, то уж Италия и вовсе... Станным ему показалось также, что нашлась в лице какого-то русского графа управа на непобедимых наполеоновских маршалов, несущих народам свободу.

– Так что же все-таки делать будете, Сергей Петрович? – прервал трезвомыслящий про-вожатый углубившегося в арифметику гусара.

Сергей недовольно на него глянул – и тут только увидел, как парень держит саблю. Но готовый раскатиться смех он сдержал, чтобы не охладить в Маче нарождавшегося воинского рвения.

– А вот что, – заявил гусар. – Раз уж ты решил меня сопровождать, так будь готов к любым передрыгам. Стрелять нам сейчас небезопасно, а на саблях можем попробовать. Глянь, как ты здорово вооружен. Научись еще только оружие в дело употреблять – и хоть сейчас в полк!

Мачу вроде бы и не больно хотелось заниматься военной наукой. Он и представить себе не мог, что от его удара прольется чья-то кровь. Но память, с утра преподносившая сюрпризы, услужливо ему сообщила, что при добывании свободы не обойтись без крови... И про предков напомнила – про их короткие тяжелые мечи...

– Вы хотите научить меня биться саблей? – нерешительно спросил Мач.

– Сие называется таинство побивания неприятеля холодным оружием, – поправил Сергей Петрович. – Опять же – слова Александра Васильича. Ну, начнем, что ли? Спешивайся!

Таинство давалось Мачу с трудом. И виной тому был, скорее всего, сам его учитель. На словах-то гусар толково объяснял про выпады, позиции и парады, и показывал все это с азартом и красиво, а как доходило до учебной схватки – начисто позабывал всякую педагогику, и сабля в его руке была неуловима для взора. Лишь свист воздуха слышал Мач, и в недоумении опускались у него руки.

Однако заметил Сергей Петрович кое-какие успехи и похвалил ученика, заметив при этом, что не успеет война кончиться – как Мач выйдет в великие фехтовальщики.

И предложил перекусить.

Мач твердо помнил, что из корчмы они уехали впопыхах и припасов не брали. Каково же было его удивление, когда гусар снял немалой высоты кивер и извлек оттуда хлеб с салом...

– Мне в нем и бутылки проносить доводилось, – сказал Сергей Петрович онемевшему парню. – Сие сооружение порой надежнее солдатского ранца, только после этаких экзерциций с бутылками шея болит...

Мачу бы запомнить странное это признание, но он и подумать не мог, что оно когда-либо пригодится.

Во фляге еще оставалась вода. И оба фехтовальщика перекусили, беседа почти на равных о тонкостях сабельного боя, и о кавалерийских атаках, и о многом ином, чего ранее не касались.

В свете грядущей свободы все это было для парня крайне увлекательно.

Мач больше не спрашивал, что делать дальше и куда ехать, а напрасно. Двинулись они в общем-то наугад, и в какой-то час Мач понял, что они возвращаются к его родимым местам. Но выехали они напрямик к вражескому биваку.

Увидев одинокого русского гусара, прусские черные уланы удивлялись недолго, а вскочили наконец и поскакали к нему. Сергей Петрович и Мач опомниться не успели, как неприятель оказался совсем уже близко.

Мач потянул из ножен баварскую саблю, но что с ней делать дальше – моментально забыл. А двое пруссаков, видя, что он как будто изготовился к бою, направили коней прямо на него, и спасения уже не предвиделось.

Сергей, метнув взгляд, все понял.

– Беги, дурень! – свирепо крикнул он. И рассек над головой воздух стремительным клинком.

Мач кинулся бы на помощь, непременно кинулся бы, но... но разве сам гусар не велел сейчас убежать?.. А он знает, как себя вести, не впервые в бою!.. И медлить уж некуда...

Быстрый звон и скрежет клинков вернули Мача от перепуганных мыслей к действительности. Пятеро улан, окружив Сергея Петровича, напоролись на неожиданное и отчаянное сопротивление. И один уже покатился под копыта собственному коню.

Секунду глядел Мач на схватку, словно навеки запоминая ее, а потом повернул гнедого и понесся вскачь.

Трое улан, из тех, что весело следили за неравным боем, переглянулись, вскочили на коней и помчались в погоню. Поскольку всадник, чьего лица они не разглядели толком, одетый в домотканую рубаху и такие же штаны, но вооруженный саблей с богатым эфесом, еще неиз-

вестно кем мог оказаться. И то, что отчаянный гусар жертвовал собой, спасая его, о многом говорило...

Мач гнал коня, как только мог, но коротконогий крепыш был не соперник кавалерийским скакунам. Хорошо хоть, дорога петляла, то роща выручит, то орешник. Для пистолета парень пока был недосыгаем, но и укрыться было негде.

Навстречу ему кто-то ехал на телеге. Миновав поворот, парень оказался, увы, на открытом месте. И увидел цыганскую кибитку.

Вожжи держали два замурзанных цыганенка. Остальные возились и визжали внутри. А рядом с лошадьё неторопливо шагали Ешка и Рингла, о чем-то оживленно беседуя.

Мач в надежде на спасение придержал коня.

Ешка и Рингла замолчали, с интересом глядя на странного всадника.

– А-а, это ты! – первым признал его Ешка. – А куда ж ты девал цыганского благодетеля?

– Гонятся за мной! – воскликнул парень. – Слышишь?

– Слышу... – озадаченно сказал цыган. – Эти?.. Как их там?

– Они, – подтвердил Мач.

– Ну-ка, Пичук, покажи свое умение! – распорядился цыган. – А ты – с коня!

Десятилетний мальчик, как видно, старший Ешкин сын, выскочил из кибитки.

– А ну, бери ноги на плечи, живот подмышку! – скомандовал Ешка, одной рукой указывая на гнедого, а другой давая Пичуку легкий подзатыльник. – Запутай следы и возвращайся.

Сам он ловко расседлал гнедого и бросил деревянное седло – в кусты, а старые покрывала, заменявшие потник – Рингле в охапку.

– В кибитку! – крикнула Мачу девочка. – Живо! И накройся с головой!

В черных глазах Пичука сверкал неугасимый восторг. Мальчишка перехватил у Мача повод и, едва коснувшись босой ногой ступицы колеса, взвился на коня. И поскакал, подобравшись по-кошачьи, с места подняв гнедого в галоп.

Мач боком ввалился в кибитку, и там на него обрушились цыганята. Сделали они это вовремя – к кибитке подскакали черные уланы.

– Эй, цыган, тут никто не проезжал на гнедой лошади? – крикнул один.

– На гнедой лошади? – задумчиво переспросил Ешка. – Да вроде проезжал тут один. Только чего же мне на чужую лошадь смотреть? Цыган даже если только поглядит на коня, все уже вопят – украл!

– Давно он проехал? – сразу два голоса перебили цыгана.

– А это как смотреть, милостивый господин! – развел руками Ешка. – Время у такого знаменитого офицера и у бедного цыгана по-разному тянется. Если, скажем, у господина оно от обеда до ужина бежит быстро, то у цыгана ох как долго, потому что ужин у него, может быть, еще только через два дня случится...

– Да вот же он!..

Уланы разглядели-таки довольно далеко наездника на гнедом коньке. Он как раз огибал немалый овраг и должен был вот-вот скрыться из виду.

И скрылся!

Уланы переглянулись – им и с Ешкой хотелось рассчитаться за его цыганскую философию, и беглеца догнать. Предпочли они беглеца.

Когда стук копыт стих, Мач высунул голову из кибитки.

– Как же ты мальчишку послал?.. – с запоздалой тревогой напустился он на цыгана. – Они же его изувечат!

– Пусть сперва поймают! – гордо отвечал Ешка. – Парень – золото, во всех таборах такого не сыскать! За его будущее я могу не беспокоиться. Лучшим конокрадом во всей Курляндии будет! Так куда же все-таки цыганский благодетель девался?

Мач опустил голову.

– Он нам тогда здорово помог, – как бы через силу молвил Ешка. – Ну, что там у вас стряслось?

Мач совсем коротко рассказал.

– Плохо дело, – постановил цыган. – Могли зарубить. Могли принять за лазутчика и взять живым.

– Не дался бы он живым! – уже уяснив себе отчаянную гусарскую натуру, буркнул Мач.

– А если ранен?

Мач не ответил. Распихав лежавших на нем цыганят, он выбрался из кибитки, заправил рубаху в штаны и сказал решительно:

– Ну, спасибо тебе. Коня моего можешь оставить на долгую память. А если у тебя совесть есть – к родителям моим отведи... Будь здоров.

– Куда ж ты собрался? – спросил обеспокоенный цыган.

– Выручать Сергея Петровича. Если только жив...

И покраснел парень, вспомнив, как услышал себе оправдание в крике: «Беги, дурень!..»

Тут Ешка подошел к нему поближе, изогнулся, заглянул в глаза – а выпрямился почему-то уже стоя за спиной у Мача, что и дало ему возможность отвесить парню хороший подзатыльник, как своим цыганятам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.